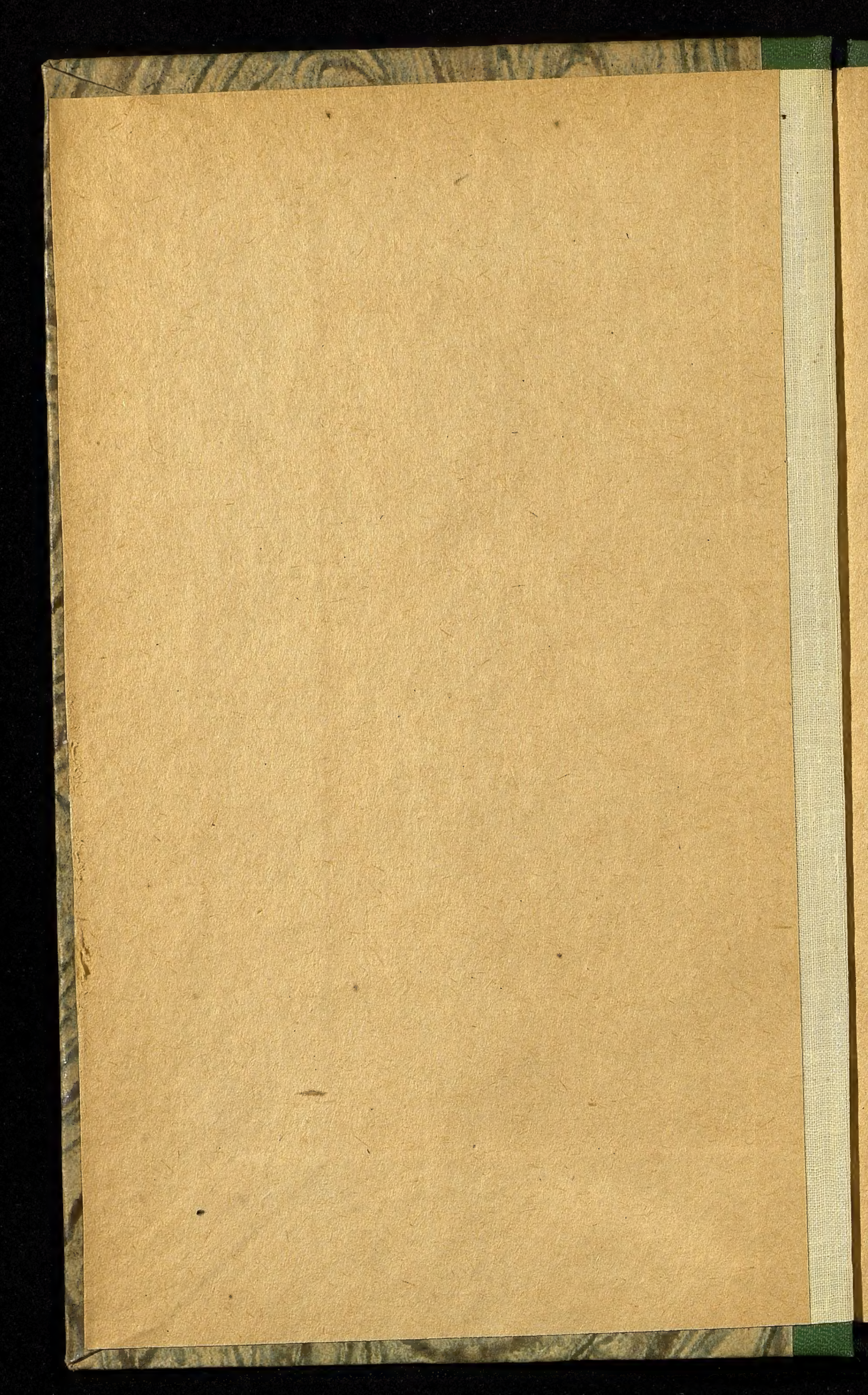
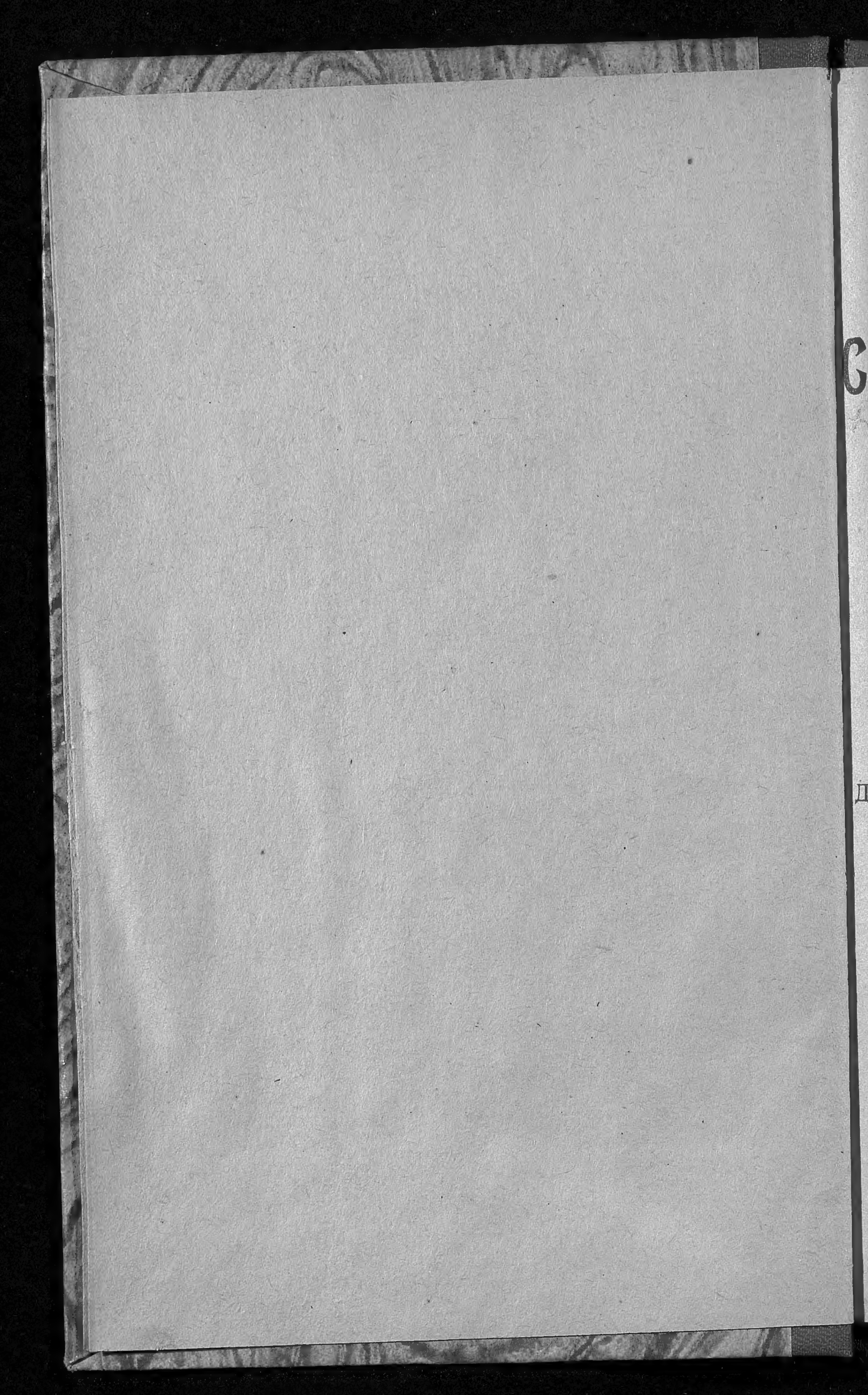

Современныя событія

при

свѣтѣ вѣры.

Доклады на религіозныхъ собраніяхъ въ домѣ Е. Г. Швартцъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія „СЕЛЬСКАГО ВѢСТНИКА". Мойка, 32.
1915.

Духовное вырожденіе нѣмецкаго народа.

Чтобы узнать должнымъ образомъ человѣка и проникнуть въ его душу, нужно наблюдать его не при обычной спокойной обстановкѣ, а въ минуты тяжелыхъ переживаній и крупныхъ переломовъ въ его жизни; только въ этихъ случаяхъ онъ можетъ проявить себя во всей своей духовной силѣ или безсиліи. То же самое нужно сказать и относительно цѣлаго народа: при нормальномъ, спокойномъ теченіи жизни онъ можетъ казаться совсѣмъ не тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ; но когда его постигнутъ тяжелыя испытанія, когда крупныя событія въ его исторіи потребуютъ отъ него напряженія всѣхъ духовныхъ силъ, тогда со всею очевидностью обнаружится или его дѣйствительное величіе или же духовная скудость и мизерность. Великія историческія событія въ дѣлѣ оцѣнки народнаго духа являются тѣмъ пробнымъ камнемъ, на которомъ обнаруживается или благородный металлъ или грубая поддѣлка подъ него.

Совершающаяся на нашихъ глазахъ великая европейская война раскрыла намъ глаза на дѣйствительныя духовныя свойства нѣмецкаго народа. До сихъ поръ мы знали нѣмца въ обыденной практической жизни, какъ трудолюбиваго, честнаго и исполнительнаго работника; а въ сферѣ науки, философіи, искусства, техники и т. д. онъ до такой степени поражалъ насъ своими громадными успѣхами, что мы, русскіе, въ своей простотѣ и довѣрчивости готовы были признать его своимъ учителемъ и слѣпо слѣдовать по тому пути, который былъ проложенъ имъ. Оцѣнивая эти успѣхи только съ внѣшней стороны, мы какъ будто не имѣли повода остановить своего вниманія на вопросѣ: что же такое нѣмецкій народъ по своимъ духовнымъ качествамъ? Что даетъ его наука и философія для удовлетворенія нравственныхъ и религіозныхъ запросовъ нашей души? Какіе моральные идеалы она прививаетъ? Въ какомъ отношеніи она стоитъ къ великимъ завѣтамъ Христа? Богатство и оригинальность творчества нѣмецкаго народа, помимо всякой его моральной цѣнности, до такой степени очаровывали насъ, что мы чуть не съ благоговѣніемъ произносили имена Канта, Гегеля, Гетэ, Шиллера, Рих. Вагнера и т. д., перенося иногда сіяніе ихъ славы и на весь германскій

народъ. Но грянулъ громъ, загорѣлась европейская война, и гордый нѣмецъ предсталъ предъ нашимъ изумленнымъ взоромъ совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ онъ казался, предсталъ развѣнчаннымъ, морально одичавшимъ, опозорившимъ себя предъ всѣмъ культурнымъ міромъ своими звѣрствами и жестокостями.

Тамъ, въ Германіи, родинѣ прославленныхъ міровыхъ поэтовъ и знаменитыхъ творцовъ философскихъ системъ, созрѣла безумная мысль о міровомъ владычествѣ германскаго народа, о политическомъ его господствѣ не только во всей Европѣ, но и во всѣхъ другихъ странахъ. Осуществленіе этой несбыточной мысли взялъ на себя германскій императоръ Вильгельмъ II. Въ горделивомъ самообольщеніи онъ посмотрѣлъ на себя какъ на великаго генія и избранника судьбы, призваннаго коренным образомъ измѣнить ходъ міровой исторіи: „воля къ власти" дошла у него до такихъ размѣровъ, что онъ не хотѣлъ ни съ кѣмъ дѣлить эту власть, кромѣ только развѣ Господа Бога, да и то съ такимъ разграниченіемъ: Тебѣ небо, а мнѣ земля.

Во многихъ русскихъ и заграничныхъ газетахъ былъ напечатанъ приказъ императора Вильгельма германскимъ солдатамъ. Трудно пока установить его дѣйствительную подлинность, но его содержаніе чрезвычайно характерно. Вотъ этотъ приказъ: „Солдаты! Помните, что вы избранный народъ! Духъ Божій сошелъ на меня, такъ какъ я императоръ германцевъ. Я являюсь орудіемъ Всемогущаго! Я—Его мечъ и Его воля! Уничтоженіе и смерть всѣмъ, кто противится моей волѣ! Уничтоженіе и смерть всѣмъ, кто не вѣритъ въ мою божественную миссію! Да погибнутъ всѣ враги германскаго народа! Богъ требуетъ ихъ уничтоженія; Богъ, вѣщающій чрезъ меня, приказываетъ вамъ исполнить Его святую волю!" Тотъ же духъ безграничной гордыни, то же признаніе себя особымъ избранникомъ Божіимъ выражается и въ воззваніи Вильгельма, обращенномъ къ польскому народу. „Поляки! Вы, конечно, помните, какъ однажды ночью начали звонить безъ участія человѣка колокола Святогорскаго монастыря. Тогда уже люди набожные поняли, что случилось великое и важное событіе, отмѣченное чудомъ. Событіе это—рѣшеніе мое воевать съ Россіей и отдать Польшѣ ея святыни и присоединить ее къ культурнѣйшей странѣ—Германіи. Я видѣлъ чудесный сонъ. Ко мнѣ явилась Богородица и приказала спасти ея святую обитель, которой угрожаетъ опасность. Она смотрѣла на меня со слезами, и я пошелъ исполнить ея божественную волю. Знайте объ этомъ, поляки, и встрѣчайте мои войска, какъ братьевъ и спасителей. Со мною Богъ и святая Богородица! Она подняла мечъ Германіи на помощь Польшѣ".

Повторяемъ: трудно ручаться за подлинность этихъ двухъ документовъ. Но психологія Вильгельма передана здѣсь съ достаточною правдоподобностью. Люди, объятые безграничнымъ властолюбіемъ, не только склонны считать себя особыми избранниками и посланниками Бога, но готовы даже узурпировать Божественную власть и могущество. Вѣчный

типъ такого безумнаго властолюбца данъ великимъ ветхозавѣтнымъ пророкомъ Исаіей въ его пророчествѣ о вавилонскомъ царѣ, который сказалъ въ сердцѣ своемъ: „взойду на небо, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, сяду на горѣ въ сонмѣ боговъ, поднимусь на высоты облачныя, буду подобенъ Всевышнему“ (Ис. 14, 13—14). Часто, очень часто эти властолюбивыя притязанія ведутъ за собою великія народныя бѣдствія и безчисленные потоки крови; но конечная судьба подобныхъ властолюбцевъ одна: это—униженіе, позоръ и гибель. Эту конечную судьбу въ пророческомъ ясновидѣніи изобразилъ тотъ же св. пророкъ Исаія, предсказанія котораго исполнились въ послѣдующей исторіи народовъ до малѣйшей іоты: „Какъ упалъ ты съ неба, денница, сынъ зари, разбился о землю, попиравшій народы! Въ преисподнюю низвержена гордыня твоя со всѣмъ шумомъ твоимъ. Видящіе тебя всматриваются въ тебя, размышлютъ о тебѣ: тотъ ли это человѣкъ, который колебалъ землю, потрясалъ царства, вселенную сдѣлалъ пустынею и разрушалъ города ея? Не стало мучителя, пресѣклось грабительство. Сокрушилъ Господь жезлъ нечестиваго скипетръ владыки, поражавшій народы въ ярости своей и во гнѣвѣ господствовавшій надъ племенами“ (Ис. 14, 4—17).

„Я мечъ Бога и Его воля“: такова несомнѣнно должна быть психологія императора Вильгельма. Если бы онъ не считалъ себя великимъ избранникомъ судьбы, призваннымъ властвовать надъ міромъ, то неужели онъ рѣшился бы на то страшное дѣло, которое будетъ стоить милліоновъ человѣческихъ жизней въ расцвѣтѣ силъ и здоровья, страшнаго разоренія многихъ государствъ и разрушенія ихъ благосостоянія на цѣлые десятки лѣтъ, гибели безцѣнныхъ сокровищъ знанія и искусства, которыя накоплялись въ теченіе многихъ вѣковъ, уничтоженія такихъ святынь, предъ которыми преклонялись не только отдѣльные народы, но и все человѣчество? Неужели онъ взялъ бы на себя отвѣтственность за все то море крови и слезъ, о которомъ съ ужасомъ будутъ вспоминать всѣ грядущія поколѣнія?

Кто же онъ, этотъ современный намъ богоборецъ, рѣшившійся узурпировать власть Бога на землѣ и приведшій въ смятеніе всѣ народы и царства? Великій міровой геній, призванный дѣйствительно измѣнить ходъ міровой исторіи? Могучая титаническая сила, не вмѣщающаяся въ ограниченныя рамки своей имперіи? Нѣтъ, это не геній, это только сынъ своего народа, естественное порожденіе того духа, который выработался постепенной исторіей духовнаго развитія германской націи. Чтобы быть властолюбивымъ маньякомъ, чтобы быть безумцемъ, даже и великимъ, для этого вовсе не нужно быть геніемъ. Римскій императоръ Калигула, жалѣвшій о томъ, что все человѣчество не имѣетъ одной головы и что оно не можетъ быть обезглавлено однимъ ударомъ меча, былъ великимъ и страшнымъ безумцемъ, но онъ былъ совсѣмъ, совсѣмъ не геній. Манія величія, доходящая до болѣзненной мечты о господствѣ надъ міромъ,

можетъ зародиться и въ очень посредственной головѣ. Вильгельмъ II, взявшій на свою совѣсть страшную отвѣтственность за совершающіяся нынѣ событія,—только дерзновенный человѣкъ, не удовлетворившійся одною мечтою о власти надъ міромъ, а рѣшившійся привести ее въ осуществленіе. Путь, которымъ онъ пришелъ къ этой рѣшимости, есть тотъ самый путь, который привелъ и нѣмецкаго философа Ницше къ созданію преступной философіи о „волѣ къ власти", какъ основномъ принципѣ жизни.

Итакъ, основною чертою духовнаго облика Вильгельма II нужно признать безграничное властолюбіе и сатанинскую гордость. А неизмѣнной спутницей такой гордости всегда является жестокость. Кто призналъ себя орудіемъ воли Бога на землѣ, кто объявилъ себя занявшимъ здѣсь Его мѣсто, для того, по словамъ Достоевскаго, не существуетъ никакого ограничивающаго закона: ему все позволено, всякое злодѣйство, даже антропофагія. Уже одна только рѣшимость Вильгельма вовлечь всю Европу въ войну, его готовность пожертвовать милліонами человѣческихъ жизней съ полною очевидностію говоритъ о томъ, что въ сердцѣ германскаго императора не осталось мѣста чувству жалости и состраданія. Если бы онъ обладалъ такимъ безграничнымъ могуществомъ, что могъ бы для достиженія своей власти надъ міромъ уничтожить все населеніе непокорныхъ ему странъ, то едва ли бы онъ остановился и предъ такимъ злодѣйствомъ.

Вильгельмъ по своимъ духовнымъ свойствамъ—сынъ своего народа. Нынѣшняя война съ очевидностью обнаружила, что и весь германскій народъ пронизанъ чувствомъ самонадѣянной гордости безсердечности. Да и теперь ли только это обнаружилось? Кому приходилось жить въ Германіи, тотъ не могъ не замѣтить, что въ душѣ почти каждаго германскаго подданнаго за внѣшнею корректностью и даже привѣтливостью скрывается чувство высокомѣрія и нѣкотораго презрѣнія къ людямъ другой національности, а вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то жестокость и безсердечіе. Война только рельефнѣе подчеркнула эти свойства нѣмца. Уже съ самыхъ первыхъ дней послѣ объявленія войны въ газетахъ стали появляться сообщенія о возмутительномъ обращеніи германцевъ съ русскими подданными, не успѣвшими къ этому времени выѣхать изъ Германіи. Озлобленіе другъ на друга враговъ на полѣ брани—явленіе вполнѣ понятно, такъ какъ здѣсь идетъ вопросъ о жизни и смерти. Но злобное преслѣдованіе русскихъ въ культурныхъ центрахъ, вдали отъ сферы военныхъ дѣйствій, могло быть только результатомъ душевной черствости и безсердечіе. Издѣвательствамъ и грубымъ насиліямъ подвергались не только мужчины, способные принять непосредственное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Германіи, но и беззащитныя женщины, дѣти и дряхлые старики. Испытавшіе на себѣ эти насилія и до сихъ поръ не могутъ безъ ужаса вспомнить о пережитомъ.

Но чѣмъ дальше шло время, чѣмъ шире развертывались военныя дѣйствія, тѣмъ большую жестокость обнаруживали германскіе воины не только по отношенію къ плѣнникамъ, но и по отношенію къ безобид-

нымъ мирнымъ жителямъ. Фактъ пристрѣливанія нѣмцами нашихъ раненыхъ солдатъ и грубаго, прямо безчеловѣчнаго издѣвательства надъ ними теперь можно считать уже безспорно установленнымъ. Вотъ одинъ подобный фактъ, удостовѣренный оффиціально: офицеры 5 го Петроградскаго стрѣлковаго полка нашли на полѣ сраженія, только что оставленнаго нѣмцами, изуродованнаго вахмистра казачьяго полка: онъ былъ кастрированъ и такъ изрѣшетенъ штыкомъ, что у него выпали внутренности, ноги его во многихъ мѣстахъ были изрублены саблей. Сообщенія о томъ, что даже нѣмецкія сестры милосердія приканчиваютъ нашихъ раненыхъ ударами кинжала, настолько многочислены, что трудно не вѣрить въ ихъ достовѣрность. Былъ напечатанъ даже такой фактъ, что одна старуха-нѣмка перепилила ручною пилою шею раненаго солдата. Такая жестокость женщинъ, даже сестеръ милосердія, это прямо-таки нѣчто ужасное. Послѣ этого можно съ полнымъ правомъ говорить о нравственномъ вырожденіи германскаго народа.

Особенно поразительно кощунственное отношеніе германскихъ воиновъ къ христіанскимъ святынямъ. Разрушеніе Реймскаго собора останется вѣчнымъ позоромъ на совѣсти германцевъ: много разъ этотъ соборъ былъ свидѣтелемъ совершавшихся около него ожесточенныхъ битвъ; самый городъ Реймсъ подвергался разграбленію и разрушенію; но ни одинъ врагъ не посмѣлъ поднять свою руку на эту древнюю святыню; только „культурное“ войско Вильгельма II не задумалось сдѣлать этотъ чудный соборъ мишенью для разрушительныхъ крупповскихъ пушекъ. А что дѣлаютъ германскіе солдаты съ православными храмами, съ православными святынями! Вотъ нѣсколько фактовъ, взятыхъ не изъ газетныхъ корреспонденцій, а изъ оффиціальныхъ сообщеній, сдѣланныхъ полковыми священниками о. протопресвитеру военнаго духовенства. Въ г. Сувалкахъ одинъ храмъ былъ превращенъ нѣмцами въ конюшню, что ясно было видно по конскому помету и по крюкамъ съ кольцами, вбитыми въ стѣну; въ алтарѣ валялись пустыя бутылки; очевидно, здѣсь происходило пиршество, послѣ котораго алтарный полъ былъ безстыдно загаженъ; на самомъ престолѣ, съ котораго была сорвана одежда, валялись тряпки и видны были слѣды разлитаго вина. Въ Кальваріи св. крестъ, евангеліе и священные сосуды были брошены нѣмцами въ непотребное мѣсто. У одного плѣннаго священника они вырвали св. крестъ и дароносицу и бросили на землю, разсыпавъ Св. Дары. Всѣ эти кощунственныя дѣйствія не заставляли бы насъ такъ возмущаться, если бы они вызывались обстоятельствами, если бы здѣсь у нѣмцевъ преслѣдовалась какая-нибудь полезная съ военной точки зрѣнія цѣль, но здѣсь было одно только безцѣльное и безсмысленное кощунство.

Но во всѣхъ этихъ проявленіяхъ дикости, жестокости и полнаго неуваженія къ христіанскимъ святынямъ есть еще одна крайнее печальная сторона. Многіе изъ германцевъ, совсѣмъ не принимающіе непосредственнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ,—люди, стоящіе на высотѣ

современнаго нѣмецкаго образованія, не только не соблазняются и не возмущаются жестокостями и безчинствами германскихъ солдатъ, а, напротивъ, оправдываютъ ихъ и находятъ какъ бы нравственно нормальными. Когда весь образованный міръ сталъ выражать возмущеніе и сожалѣніе по поводу разрушенія Реймскаго собора, то представители германской образованности съ полнымъ спокойствіемъ заявляли, что ради побѣды германскаго оружія они не задумались бы разрушить какія угодно міровыя цѣнности; при этихъ циническихъ заявленіяхъ забыто только, что Реймскій соборъ къ военнымъ успѣхамъ нѣмцевъ не имѣетъ никакого отношенія, и разрушеніе его ни на шагъ не подвинуло ихъ къ побѣдѣ. Точно такъ же, когда въ Европѣ было выражено сожалѣніе объ уничтоженіи германскими войсками чрезвычайно цѣнной библіотеки, одинъ германскій профессоръ съ наглымъ самомнѣніемъ заявилъ, что совсѣмъ не стоитъ жалѣть о гибели старыхъ книгъ, такъ какъ нѣмецкій геній создастъ нѣчто болѣе великое и оригинальное, чѣмъ это старье. Подобное заявленіе имѣетъ особенное значеніе для характеристики германскаго народа: помимо цинизма и инстинкта разрушенія, здѣсь слышится безмѣрная гордость и сознаніе своего превосходства надъ всѣми остальными народами.

Всѣ многочисленные и скорѣе даже безчисленные факты жестокости и безмѣрной гордости германскаго народа и войска, на которые мы сдѣлали только слабые намеки, не есть факты временные и случайные, вызванные только чрезвычайными событіями настоящаго времени. Въ нынѣшнюю великую европейскую войну втянуты многіе народы, но ни одинъ изъ нихъ не проявляетъ такого безсердечія, такого полнаго пренебреженія къ христіанскимъ заповѣдямъ о состраданіи и жалости, какую проявляютъ нѣмцы. Очевидно, здѣсь обнаруживается какой-то общій духъ германскаго народа, общее его моральное настроеніе. Стало быть, и причины нужно здѣсь искать не случайныя и временныя, созданныя условіями нынѣшней войны, а причины постоянныя, связанныя со всѣмъ ходомъ духовнаго развитія германскаго народа.

Въ чемъ же заключается причина такого моральнаго паденія, а можетъ быть и вырожденія германцевъ? Если мы хотимъ проникнуть въ душу народа и понять его духовные идеалы, для этого мы должны прежде всего обратить вниманіе на его религіозныя вѣрованія. Жизнь каждаго народа, основные мотивы его дѣятельности, даже обычаи, правовыя нормы и т. д.,—все это складывается главнымъ образомъ, если не исключительно, подъ вліяніемъ религіи. Можно ли понять душу и жизнь русскаго народа, не зная его православія, его святынь, не зная святыхъ подвижниковъ русской Церкви, которые не только были руководителями народа въ духовной жизни, но и отобразили въ своей душѣ народную душу? Наука, философія и всѣ плоды мірской, „внѣшней“ культуры оказываютъ сравнительно очень ничтожное вліяніе на складъ духовной жизни народа, такъ какъ народная масса стоитъ болѣе или менѣе далеко

отъ всего этого. Да и кромѣ того всякая философія и даже можетъ быть общіе и принципіальные выводы науки въ той или иной мѣрѣ отражаютъ на себѣ вліяніе народной религіи. Возьмите нашихъ видныхъ самобытныхъ философовъ, не подчинившихся всецѣло вліянію запада, въ родѣ хотя бы Хомякова, Соловьева и т. д.; для всякаго очевидно, насколько ихъ философія въ своемъ содержаніи и направленіи опредѣлялась основами православія. Вотъ почему и для объясненія духовныхъ свойствъ германскаго народа мы должны прежде всего остановить свое вниманіе на ихъ религіи, т. е. на протестантствѣ или собственно на одномъ основномъ его положеніи, которое, будучи доведено до крайнихъ выводовъ, сообщило крайне печальное направленіе всему духовному развитію германскаго народа.

Римскій католицизмъ, признавшій въ лицѣ папы видимаго замѣстителя Христа на землѣ и предоставивъ ему безконтрольное право высшаго учительства и руководительство въ церкви, возвысилъ чрезъ это значеніе въ церковной жизни авторитета человѣческаго, соотвѣтственно унизивъ авторитетъ божественный, авторитетъ откровенія или слова Божія. Если римскій первосвященникъ провозглашается единымъ непогрѣшимымъ истолкователемъ Священнаго Писанія, то, стало быть, божественныя истины слова Божія становятся какъ бы въ зависимость отъ человѣческаго разумѣнія одного папы; здѣсь уже не остается почти мѣста вселенскому разуму всей Христовой Церкви, разуму богоносныхъ отцовъ и учителей ея, разуму общецерковнаго преданія, идущаго отъ временъ Самого Христа и Его апостоловъ. Протестантство, напротивъ, рѣшилось выдвинуть на первый планъ авторитетъ божественный; оно придало единственное значеніе въ дѣлахъ вѣры только слову Божію, устранивъ всякій человѣческій авторитетъ. Отсюда и явилось то основное положеніе протестантства, которое извѣстно подъ названіемъ формальнаго принципа: единственнымъ руководителемъ въ дѣлѣ спасенія должно служить для христіанина только Священное Писаніе. При этомъ право римско-католическаго папы на авторитетное и непогрѣшимое истолкованіе слова Божія было рѣшительно отвергнуто. Но коренная ошибка протестантства заключалась въ томъ, что отвергнутъ былъ при этомъ и голосъ вселенской Церкви: священное преданіе не было признано протестантствомъ однимъ изъ источниковъ божественнаго откровенія. Но тогда кому же принадлежитъ право истолкованія слова Божія? Разуму каждаго отдѣльнаго христіанина, каждой отдѣльной личности. Этимъ были признаны самыя широкія права человѣческаго разума не только въ дѣлѣ изученія видимаго міра, но, къ сожалѣнію, и въ рѣшеніи вопросовъ религіозной вѣры. Говорятъ, что провозглашенная широкая свобода разума съ точки зрѣнія чисто человѣческой сопровождалась необыкновенно плодотворными результатами въ дѣлѣ развитія научныхъ знаній и философскаго мышленія; царившая доселѣ схоластика должна была уступить мѣсто свободному изслѣдованію и оригинальному творчеству. Благодаря этому за одинъ только 19-ый вѣкъ, по словамъ

англійскаго ученаго Уоллеса, было пріобрѣтено столько новыхъ знаній, сколько не дали въ общей своей совокупности всѣ предшествующія тысячелѣтія, а германская наука играла здѣсь самую видную роль.

Все это можетъ быть и правда, но только эти успѣхи слишкомъ односторонни; они не касаются развитія той высшей, духовной природы человѣка, которая и составляетъ, по слову Спасителя, самую высшую цѣнность, несравнимую даже съ цѣнностью всего міра. Худо было здѣсь то, что человѣческому разуму, сильному только въ изученіи конечныхъ явленій природы, предоставлена была широкая свобода и въ дѣлахъ религіозной вѣры, предоставлено было право свободно толковать Св. Писаніе безъ пособія священнаго преданія, въ которомъ отразился разумъ вселенской церкви. Это повело къ широкому развитію раціонализма въ области религіи. А раціонализмъ парализовалъ тотъ высшій духовный разумъ, которымъ человѣкъ только и можетъ входить въ соприкосновеніе съ божественнымъ существомъ и познавать Его волю.

Чтобы выяснить эту мысль, приведемъ ученіе ап. Павла о духовномъ и душевномъ человѣкѣ. „Мы приняли, пишетъ онъ Коринѳянамъ, не духа міра сего, а Духа отъ Бога, дабы знать дарованное намъ отъ Бога, что и возвѣщаемъ не отъ человѣческой мудрости изученными словами, но изученными отъ Духа Святаго, соображая духовное съ духовнымъ. Душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно. Но духовный судитъ о всемъ, а о немъ судить никто не можетъ. А мы имѣемъ умъ Христовъ“ (1 Кор. 2, 12—16). Различая въ человѣкѣ, кромѣ тѣла, двѣ природы—духовную и душевную,—ап. Павелъ какъ бы признаетъ и два познающихъ органа. Одинъ разумъ, духовный, высшій, предназначенъ къ постиженію горняго и духовнаго міра; все, что исходитъ отъ Духа Божія, воспринимается только этимъ разумомъ: онъ не прислушивается къ голосу логики и доводамъ разсудка; путь познанія для него—это непосредственное озареніе и внушеніе Духа Божія, а также голосъ слова Божія и вселенскаго, общецерковнаго разума, который по существу своему есть тотъ-же голосъ Духа Божія, выну пребывающаго въ церкви. Кто внимательно останавливался на жизни великихъ христіанскихъ подвижниковъ, тотъ не могъ не замѣтить, что этотъ духовный разумъ достигалъ въ нихъ особенно глубокаго развитія; къ божественнымъ предметамъ они не рѣшались прилагать собственной разсудочной мѣрки: внимая внушенію Духа Божія и руководясь указаніями слова Божія и вселенскаго разума Церкви, они шли по намѣченному пути спасенія безъ сомнѣній и колебаній. Напротивъ низшій, душевный разумъ человѣка (ratio) приспособленъ только къ познанію ограниченныхъ предметовъ и явленій міра: возвыситься до постиженія Божества онъ не можетъ: „душевенъ человѣкъ не пріемлетъ яже Духа Божія“. Всякая попытка низшаго разума проникнуть въ сферу божественной жизни, установить понятіе о добрѣ и злѣ, указать

цѣль и назначеніе человѣческой жизни и т. д., приводитъ только къ тому, что человѣкъ начинаетъ представлять божественную и духовную жизнь въ условіяхъ низшей матеріальной природы, низводя божественное къ человѣческому, небесное къ земному, творческое къ тварному.

Въ томъ-то и заключается опасность раціонализма, что онъ, провозглашая широкія права душевнаго разума даже и въ вопросахъ вѣры, какъ бы парализуетъ дѣятельность высшаго духовнаго разума и отводитъ человѣка отъ надежнаго пути къ познанію Бога. А между тѣмъ этотъ раціонализмъ и составляетъ самую тяжелую болѣзнь германскаго протестантизма, проявившуюся съ особенною силою въ теченіе прошлаго столѣтія.

Свобода толкованія Св. Писанія безъ всякаго руководства со стороны разума вселенской церкви привела нѣмецкихъ протестантовъ прежде всего къ тому, что каждый сталъ понимать слово Божіе по собственному разумѣнію, а это естественно должно было угрожать протестантству распаденіемъ на множество сектъ и толковъ. Такъ оно и случилось: въ началѣ 19-го столѣтія обнаружилась такая обостренная борьба сектъ, партій и направленій, что явилась даже попытка путемъ такъ называемой евангелической уніи примирить и объединить всѣ враждующія партіи; но раздѣленіе такъ глубоко проникло въ протестанство, что противъ уніи раздались протестующіе голоса и со стороны пасторовъ и со стороны руководимаго ими народа.

Устраняя подавляющій авторитетъ римско-католическаго папы, руководители протестанства думали этимъ путемъ возвысить божественный авторитетъ Св. Писанія, но когда человѣческій разумъ получилъ самую широкую свободу въ вопросахъ религіозной вѣры и жизни, авторитетъ слова Божія палъ самъ собою. Въ концѣ концовъ все свелось къ чистому раціонализму. Вопросами о Богѣ, человѣческой душѣ и нравственныхъ идеалахъ стала заниматься нѣмецкая философія, которая, конечно, вовсе не думала считаться съ словомъ Божіимъ; но эта попытка перенести вопросы религіозной вѣры въ область философіи привела уже къ прямому разрушенію всего зданія христіанской догматики. Путь къ такому разрушенію проложила прежде всего идеалистическая нѣмецкая философія, которая оказала громадное вліяніе на направленіе мысли не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ. Уже знаменитый Кантъ рѣшился устранить всю догматическую сторону въ христіанствѣ. По его мнѣнію, все значеніе какъ христіанства, такъ и всякой другой религіи, заключается только въ нравственно-практическомъ содержаніи, а всѣ догматы, какъ и всякое наше знаніе не только о Богѣ, но и о самомъ видимомъ мірѣ, не имѣютъ никакой объективной цѣнности: догматы—это только внѣшняя, преходящая и постоянно мѣняющаяся оболочка, малоцѣнная скорлупа, а настоящее ядро религіи заключается въ нравственныхъ положеніяхъ и требованіяхъ. Само собою понятно, что это въ концѣ концовъ должно было привести къ полной утратѣ вѣры въ живого Бога, къ от-

верженію Его реальнаго существованія, къ признанію самой идеи о Богѣ лишь продуктомъ человѣческой мысли. Къ такимъ именно выводамъ и пришли послѣдующіе представители нѣмецкой философіи даже самаго идеалистическаго направленія; вмѣстѣ съ тѣмъ они такъ далеко отошли отъ основныхъ положеній христіанства, что не только отказались отъ вѣры въ личнаго реальнаго Бога, но и на само христіанство взглянули, какъ на временную и преходящую форму религіи. Съ полною рѣшительностью такіе выводы были сдѣланы въ философской системѣ Гегеля.

Не нужно думать, что всѣ эти выводы оставались достояніемъ только ограниченнаго круга лицъ, причастныхъ къ философіи: они въ значительной мѣрѣ были усвоены и представителями нѣмецкаго богословія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вникнуть въ систему „великаго" нѣмецкаго богослова Шлейермахера, котораго многіе изъ протестантовъ ставятъ наряду не только съ Лютеромъ, но и апостоломъ Павломъ. Онъ и самъ не отрицалъ того, что его понятіе о Богѣ приближается къ пантеистической точкѣ зрѣнія; онъ только рѣшительно отрекался отъ „матеріалистическаго пантеизма". И по его взгляду, Богъ есть только универсъ, только отвлеченное единство всего міра. А что онъ сдѣлалъ съ христіанской догматикой? Іисусъ Христосъ—это не Сынъ Божій, не божественный Искупитель міра, а лишь идеальный человѣкъ, въ которомъ духъ одержалъ полную побѣду надъ плотію; поэтому все сверхъестественное, всѣ чудеса Іисуса Христа, Его воскресеніе и вознесеніе совсѣмъ вычеркнуты изъ догматика Шлейермахера. Нечего уже и говорить о такихъ протестантскихъ богословахъ, какъ Давидъ Штраусъ, прославившій себя ужасною для каждаго христіанина книгою „Жизнь Іисуса", какъ Ричль, передѣлавшій всю христіанскую догматику до неузнаваемости или вычеркнувшій изъ нея все, что не оправдывается ограниченною человѣческою логикой, какъ современный намъ Гарнакъ, доведшій раціонализмъ въ области богословія до послѣднихъ предѣловъ,

Таковы лучшія представители богословской мысли въ Германіи. Что же сказать о той заурядной и малосвѣдующей массѣ, которая довѣрчиво прислушивается ко всякому новому слову, ко всякой оригинальной идеѣ? *Аще свѣтъ, иже въ тебѣ, тма есть, то тма кольми* Мѳ. 6, 23)? Раціоналистическія идеи, перейдя въ толпу, получили только еще болѣе грубый и рѣзкій характеръ, чѣмъ у творцовъ ихъ. Раціонализмъ, какъ духовная зараза, охватилъ не только философію и научное богословіе, но и всю народную религіозную жизнь, можетъ быть только за рѣдкими исключеніями. Все это имѣло не только религіозное, но и моральное значеніе. Если Богъ не имѣетъ реальнаго существованія, если самая идея о Богѣ имѣетъ только субъективное значеніе и происхожденіе, то, стало быть, не Богъ, какъ реальная личность, есть Творецъ міра и человѣка со всѣми его духовными силами, а, напротивъ, самъ разумъ человѣческій создаетъ идею и Бога и міра: Богъ существуетъ не внѣ насъ, а только въ нашей мысли, которая и творитъ идею Бога по

своему образу и подобію. Какое широкое поле открывается здѣсь для развитія въ человѣкѣ горделиваго сознанія безграничнаго величія человѣческаго разума! Какъ трудно на такой почвѣ воспитать себя въ смиреніи и всецѣлой преданности волѣ Божіей!.

Такимъ образомъ раціонализмъ все въ религіи свелъ къ субъективизму и отвергъ объективную цѣнность всего догматическаго ученія христіанства. А это расшатало въ сознаніи нѣмецкихъ протестантовъ всѣ устои христіанства. Лучшіе люди въ средѣ нѣмецкихъ богослововъ предусматривали ту пропасть, въ которую неминуемо должна устремиться религіозная жизнь нѣмецкаго народа. „Все объктивное, говоритъ церковный историкъ Неандеръ, мы отвергли; мы думали, что возможна только субъективная религія, и жестоко въ этомъ ошиблись!" Но это позднее раскаяніе не могло уже измѣнить прочно укрѣпившагося направленія: раціонализмъ долженъ былъ дойти до послѣднихъ своихъ выводовъ, до послѣднихъ предѣловъ.

Люди, воспитавшіеся на основахъ идеалистической философіи, не замедлили сдѣлать эти крайніе выводы и направили человѣческую мысль совершенно въ другую сторону, въ сторону матеріализма. Если Богъ есть только субъективное созданіе человѣческой мысли, разсуждали они, то не лучше ли человѣку совсѣмъ отказаться отъ мысли о Богѣ, и такимъ образомъ совсѣмъ покончить всякіе счеты съ традиціонными религіозными вѣрованіями человѣчества? Идеалистическая философія, хотя и признавала Бога продуктомъ человѣческой мысли, все же не хотѣла отказаться отъ животворной мысли о Богѣ, а теперь сдѣланъ былъ рѣшительный переходъ къ полному отверженію Бога. Замѣчательно, что это новое направленіе мысли было намѣчено непосредственнымъ ученикомъ самаго виднаго представителя идеалистической философіи Гегеля, именно—Фейербахомъ; онъ съ смѣлою откровенностью заявилъ, что и субъективная идея о Богѣ не имѣетъ никакой цѣны, что человѣкъ подъ именемъ Бога обоготворяетъ только самаго себя, что слѣдуетъ отказаться отъ всякаго идеальнаго міра въ пользу матеріальной природы, что сущность всего собственно и составляетъ матерія. Изъ той же идеалистической школы Гегеля вышелъ и Карлъ Марксъ, своимъ ученіемъ объ экономическомъ матеріализмѣ и неизбѣжномъ соціалистическомъ переворотѣ принесшій такой страшный вредъ не одной только Германіи. Наряду съ этими сравнительно крупными величинами появляются мелкосортные циники-матеріалисты, въ родѣ Бюхнера, Фохта и имъ подобныхъ, которые начинаютъ издѣваться надъ всѣмъ духовнымъ и нематеріальнымъ, надъ всѣми высшими моральными идеалами. Если прежніе философы идеалистическаго направленія центромъ и сущностью всего признали человѣческую мысль, то нѣмецкіе матеріалисты все свели къ одному только чреву: человѣкъ со всѣмъ своимъ разумомъ, со всѣми своими идеальными стремленіями „есть только то, что онъ ѣстъ"; дальше этого въ отрицаніи всего духовнаго, святого и идеальнаго идти уже было некуда.

Но страшно и мучительно жить безъ Бога, безъ утѣшительной вѣры въ живого и всеблагого небеснаго Отца. То практическое безбожіе, которое такъ часто встрѣчается въ жизни, не такъ опустошительно дѣйствуетъ на человѣческую душу, какъ безбожіе теоретическое: тамъ скорѣе только забвеніе Бога, но не то послѣдовательное и сознательное отрицаніе Его, изъ котораго непремѣнно будутъ сдѣланы и соотвѣтствующіе выводы. Когда человѣкъ всѣмъ своимъ сердцемъ и разумомъ, всѣмъ своимъ существомъ приходитъ къ безповоротному и ничѣмъ несокрушимому убѣжденію, что ни Бога, ни сверхчувственнаго міра, ни души человѣческой нѣтъ, то этимъ самымъ онъ отнимаетъ у жизни всякій смыслъ и превращаетъ ее въ какую то ужасную пустыню безъ проблесковъ свѣта и радости. Вотъ какъ французскій писатель Ренанъ, отрекшійся отъ Христа-Бога, описываетъ свое состояніе безвѣрія: „Я съ ужасомъ увидѣлъ, что сбился съ своего пути. Вся вселенная показалась мнѣ пустыней. Съ того момента, какъ христіанство перестало быть для меня истиной, все остальное въ этомъ мірѣ показалось мнѣ безразличнымъ, фривольнымъ, едва достойнымъ вниманія; міръ сдѣлался для меня жалкой посредственностью, почти лишенной всякой цѣны. То, что представилось моимъ глазамъ, показалось мнѣ полнымъ упадкомъ и вырожденіемъ; я почувствовалъ себя затеряннымъ въ муравейникѣ пигмеевъ". Полнѣе изобразить всю муку безвѣрія едва ли возможно.

И чрезъ этотъ моментъ страданія, разочарованія и даже полнаго отчаянія должна была пройти нѣмецкая раціоналистическая мысль, порвавшая связь съ вѣрой въ живого Бога и Спасителя міра, Сына Божія. Пессимистическая философія Шопенгауэра и Гартмана была неизбѣжнымъ результатомъ всей предшествующей исторіи нѣмецкой религіозно-философской мысли. По словамъ Гартмана, человѣчество живетъ одними только иллюзіями, въ которыхъ ему постоянно приходится разочаровываться; кромѣ этого разочарованія жизнь ему не даетъ ничего, никакого удовлетворенія, никакой прочной радости. Напрасно человѣкъ то стремится достигнуть своего личнаго счастія въ условіяхъ земной жизни, то переноситъ блаженство въ призрачную область загробнаго существованія, то мечтаетъ о достиженіи всеобщаго счастія путемъ прогресса и улучшенія условій жизни: все это въ концѣ концовъ оказывается только иллюзіей. Наступитъ время, когда лучшая часть человѣчества, сознавъ всю безплодность попытокъ осмыслить жизнь и внести въ нее хотя бы какой-нибудь лучъ свѣта, придетъ къ рѣшимости самовольно покончить съ собою, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратить и всю безотрадную жизнь человѣчества. Тяжелая философія! Она только и могла появиться на почвѣ безвѣрія, на почвѣ отрицанія всѣхъ высшихъ, идеальныхъ цѣнностей.

Такъ шагъ за шагомъ холодный и бездушный раціонализмъ парализовавшій высшій духовный разумъ человѣка, привелъ нѣмецкую философскую мысль къ отрицанію и личнаго Бога и самого міра, или по крайней мѣрѣ къ отрицанію смысла въ жизни міра. Конечно, не весь

поголовно германскій народъ поддался такому разрушающему вліянію раціонализма; но опустошенія, произведенныя имъ, несомнѣнно были громадны. Число лицъ, сознательно отрицающихъ религію и христіанство, въ Германіи съ каждымъ годомъ все больше растетъ, каждогодно сотни такихъ людей дѣлаютъ заявленія о своемъ выходѣ изъ протестантской церкви, а это указываетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ практическимъ, легкомысленнымъ безбожіемъ, такъ часто встрѣчающимся у насъ въ Россіи, а съ безбожіемъ убѣжденнымъ. Нигдѣ далѣе не наблюдается такого дикаго явленія, какъ открытый атеизмъ нѣмецкихъ пасторовъ, оправдывающихъ себя тѣмъ, что они служатъ дѣлу нравственнаго воспитанія народа не хуже, чѣмъ вѣрующіе пасторы; но что особенно замѣчательно,—самъ приходъ часто мирится съ такими руководителями духовной жизни.

Оставалась въ христіанствѣ только одна сторона, которой раціонализмъ въ теченіе долгаго времени не осмѣливался затрогивать; это— нравственное ученіе, имѣющее непосредственное отношеніе къ практической жизни. Не только представители богословія, но и философы-идеалисты видѣли въ системѣ христіанскаго нравоученія тотъ высшій идеалъ морали, выше котораго человѣческая мысль ничего не можетъ создать. Даже Шопенгауэръ, отрицавшій разумный смыслъ жизни и видѣвшій въ ней проявленіе одного только зла, съ глубокимъ уваженіемъ относился къ христіанскимъ заповѣдямъ о милосердіи, любви и состраданіи. Но раціонализмъ оставлялъ христіанскую мораль неприкосновенной только до поры до времени; разъ были поколеблены вѣковыя вѣрованія христіанства и въ значительной мѣрѣ извращена христіанская догматика, не могла остаться во всей своей чистотѣ и христіанская нравственность, такъ какъ всѣ нравственныя требованія Евангелія имѣютъ опору въ догматахъ; устраните ихъ, и вся система морали разрушится какъ зданіе, изъ-подъ котораго вынутъ фундаментъ. А построить свое собственное прочное зданіе нравственности низшій, душевный разумъ человѣка не въ состояніи, такъ какъ онъ и здѣсь столь же безсиленъ, какъ и въ дѣлѣ познанія сверхчувственнаго міра. Вотъ почему попытка создать раціональнымъ путемъ вмѣсто христіанской чисто-человѣческую мораль привела нѣмецкую философію въ конечномъ итогѣ къ такимъ ужаснымъ выводамъ, къ такимъ антиморальнымъ идеаламъ, отъ которыхъ съ презрѣніемъ отвернется даже и язычникъ.

Оставляя въ сторонѣ всѣ прежнія попытки выработать новую систему морали, мы обратимъ вниманіе только на „философію“, созданную безумнымъ нѣмецкимъ писателемъ Ницше. Объятый страшною злобою противъ христіанства и самъ примѣнившій къ себѣ наименованіе антихриста, онъ рѣшился совсѣмъ перевернуть всю систему христіанской морали и отвергнуть не только христіанскую добродѣтель, но и самую истину. Чтобы выполнить эту задачу, онъ нашелъ нужнымъ

прежде всего окончательно устранить всякую вѣру въ Бога, сверхчувственный міръ и загробную жизнь. Въ этомъ случаѣ онъ не хочетъ даже ссылаться на какіе бы то ни было доводы логики, а просто заявляетъ, что признать бытіе Бога ему не позволяетъ даже чувство самолюбія и человѣческой гордости. „Если бы Богъ былъ, говоритъ онъ, то какъ бы я могъ вынести, что я не Богъ?“ Вотъ и всѣ доказательства противъ реальнаго существованія Бога. Но чтобы подѣйствовать на чувство неуравновѣшенныхъ и слабонервныхъ людей, онъ въ какомъ то бредовомъ изступленіи повторяетъ богохульныя слова: „Гдѣ Богъ? Гдѣ Богъ? Онъ умеръ; мы убили Его“.

Моральные взгляды Ницше также не опираются ни на какія теоретическія основы. Онъ совсѣмъ не интересуется вопросомъ о томъ, что такое міръ въ своей сущности; онъ обращаетъ вниманіе только на нравственно-практическую сторону жизни. Вся цѣль жизни, по его словамъ, заключается единственно только „въ волѣ къ власти“, къ этой цѣли стремится и должно стремиться все живущее, потому что это составляетъ самый законъ жизни и высшее предназначеніе человѣка. Изъ этого основного пункта Ницше исходитъ и при выработкѣ новыхъ принциповъ нравственности. По его словамъ, существуетъ два типа морали: мораль высшая — господская и мораль низшая—рабская. Принципами первой, господской морали руководились при самомъ зарожденіи европейской цивилизаціи наиболѣе сильныя и воинственныя племена по отношенію къ племенамъ, болѣе слабымъ и миролюбивымъ. По этой морали, высшими доблестями человѣка считались не только сила, храбрость, призрѣніе къ смерти и страданію, но и хитрость, жестокость и даже кровожадность; все, въ чемъ обнаруживалась власть сильнаго человѣка надъ слабымъ, въ родѣ, напримѣръ, мести за обиду, отплаты зломъ за зло, порабощенія или полнаго уничтоженія покоренныхъ,—все это считалось не только дозволеннымъ, но и обязательнымъ. Если по отношенію къ своимъ сородичамъ сильныя племена налагали на себя нѣкоторыя обязательства, какъ, напримѣръ, вѣрность своему слову, почтеніе къ старшимъ, уваженіе къ власти и т. д., то въ отношеніи къ рабамъ и враждебнымъ племенамъ они считали дозволенной всякую несправедливость, всякую жестокость. Всѣ симпатіи Ницше склоняются къ этой господской морали, такъ какъ, по его мнѣнію, только такая мораль способствовала улучшенію и облагороженію рода, только она давала человѣку сознаніе своей силы и красоты, только благодаря ей онъ чувствовалъ себя жизнерадостнымъ, властнымъ и самоудовлетвореннымъ. Ницше готовъ прославлять, какъ идеальное существо, этого „бѣлокураго звѣря“, обагреннаго потоками крови, сѣющаго всюду смерть и разрушеніе, не знающаго чувства жалости и состраданія, не ограниченнаго никакими законами, никакими нравственными нормами.

Совсѣмъ иные принципы, говоритъ Ницше, выработала рабская мораль, выросшая на почвѣ слабости, трусливости и малодушія; она

отвергла, какъ грѣхъ и зло, все, что было выработано господской моралью. Добродѣтелью считается здѣсь не жестокость, а милосердіе и состраданіе, не ненависть, а любовь, не война, а миръ. Вмѣсто того, чтобы возвышать жизнь, стремиться къ полнотѣ ея, рабская мораль принижаетъ эту жизнь и ослабляетъ ее, заглушая потребность человѣческой природы и внушая человѣку борьбу съ плотью, благородными страстями и врожденными инстинктами; она враждебна жизни уже потому только, что отвлекаетъ взоръ человѣка отъ земли и приковываетъ его къ далекому небу, какъ послѣднему убѣжищу отъ страданій жизни.

Рабская мораль, говоритъ Ницше, была окончательно упрочена и закрѣплена христіанствомъ, которое сослужило этимъ очень плохую службу человѣчеству. Измысливъ различныя фикціи, въ родѣ свободы воли, душевной природы, какъ особаго начала въ человѣкѣ, грѣховности его предъ Богомъ, оно воспитало въ немъ вражду противъ жизни и земного міра и стремленіе къ міру потустороннему. Но главное зло христіанства заключается въ его проповѣди о страданіи и жалостливой любви: ничто не ведетъ такимъ вѣрнымъ путемъ человѣчество къ вырожденію, къ пониженію человѣческаго типа, какъ состраданіе къ выживающимъ типамъ, какъ поддержка слабыхъ, безпомощныхъ и неприспособленныхъ къ жизни, предназначенныхъ самою природою къ естественному уничтоженію. Не въ этомъ должны заключаться наши обязанности по отношенію къ подобнымъ хилымъ субъектамъ: нужно освобождать жизнь отъ всего слабаго, уродливаго, болѣзненнаго и безобразнаго; поэтому падающему помоги упасть, больному и слабому сократи путь къ могилѣ, ничтожнаго и мало пригоднаго для жизни удали съ своего пути.

Не господская, а рабская мораль выработала тотъ типъ нищаго духомъ и тѣломъ современнаго человѣка, который вызываетъ въ Ницше чувство только глубокаго презрѣнія. Жестокость по отношенію къ этому вырождающемуся поколѣнію будетъ только помощью природѣ въ томъ естественномъ отборѣ жизнеспособныхъ индивидуумовъ, которымъ подготовляется образованіе новаго вида сильнаго и здороваго человѣческаго существа. Чѣмъ скорѣе разложится и уничтожится слабое поколѣніе, развращенное милосердіемъ и состраданіемъ, тѣмъ лучше: на тучной, удобренной этими разложившимися трупами почвѣ скорѣе выраститъ роскошный цвѣтокъ человѣческой породы, высшій ея типъ—сверхъ-человѣкъ. Къ созданію этого типа, какъ новаго вида въ ряду земныхъ существъ, и нужно стремиться. „Что такое для человѣка обезьяна?—спрашиваетъ у Ницше Заратустра,—посмѣшище, стыдъ и боль; тѣмъ же самымъ долженъ стать для сверхъ-человѣка и нынѣшній человѣкъ: посмѣшищемъ, стыдомъ и болью“.

Моральные идеалы Ницше еще яснѣе обрисовываются въ его ученіи о сверхъ-человѣкѣ. Что такое этотъ сверхъ-человѣкъ? Это творецъ жизни, создатель новыхъ ея цѣнностей, стоящій по ту сторону добра и

зла; для него не существуетъ никакихъ общеобязательныхъ нормъ и общепринятыхъ нынѣ цѣнностей, ни добра, ни зла, ни истины, ни заблужденія. Какъ творецъ жизни, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть и творецъ закона; ему все позволено, всякое преступленіе, всякая жестокость, однимъ словомъ, — все, въ чемъ онъ захочетъ проявить свою волю къ власти; если будетъ нужно, онъ не остановится предъ убійствомъ самымъ вѣроломнымъ, предъ хищничествомъ, присвоеніемъ чужого, самою дикой мстительностью; страданія другого не могутъ разжалобить сверхъ-человѣка: „видѣть страданія, говоритъ Ницше, пріятно, а причинять страданія еще пріятнѣе". Но это же злодѣй и страшный преступникъ, а не сверхъ-человѣкъ, скажете вы. Да, отвѣчаетъ Ницше, это злодѣй, но и теперь каждый преступникъ не худшій, а лучшій изъ людей: въ немъ не уничтожена дикость первобытнаго „бѣлокураго звѣря"-человѣка, не подавленъ инстинктъ мощи и силы; поэтому онъ гораздо ближе къ сверхъ-человѣку, чѣмъ современный вялый, немощный, сердобольный человѣкъ. Лучшіе люди, по мнѣнію Ницше, это самые жестокіе и порочные люди. Онъ возводитъ, напримѣръ, въ идеалъ такого, напр., безгранично порочнаго человѣка, какъ отвратительный злодѣй Чезаре Борджіа, оставившій по себѣ самую позорную память въ исторіи: онъ убилъ родного брата и нѣсколькихъ своихъ дѣтей, обезчестилъ родную сестру и былъ развратенъ сверхъ всякаго представленія. „Чезаре Борджіа, говоритъ Ницше, это классическій, страшный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и полный блеска идеалъ; въ эпоху ренессанса онъ былъ отраднымъ возрожденіемъ идеала классической эпохи, когда все оцѣнивалось съ точки зрѣнія господской морали".

Вотъ къ какимъ чудовищнымъ выводамъ привелъ нѣмецкую мысль до крайности развитой раціонализмъ. Но при чемъ же здѣсь, спросятъ, нѣмецкій народъ? Чѣмъ онъ виноватъ, что въ его средѣ появился такой безумный философъ? Ницше могъ быть совершенно случайнымъ и исключительнымъ явленіемъ въ исторіи нѣмецкой мысли; подобные выродки всегда могутъ обнаружиться и въ средѣ другихъ народовъ. Но всякій, что подробно ознакомился съ ходомъ развитія богословской и философской мысли въ Германіи, хотя бы только за одно послѣднее столѣтіе, никакъ не можетъ согласиться съ подобною мыслію объ изолированномъ положеніи Ницше въ ряду другихъ нѣмецкихъ мыслителей. Вся предшествующая исторія раціонализма методично и послѣдовательно вела къ разрушенію системы христіанской морали. У Ницше были и предшественники того же направленія; таковъ, напримѣръ, Штирнеръ, своимъ крайнимъ индивидуализмомъ очень близко напоминающій ницшеанскія идеи о переоцѣнкѣ всѣхъ моральныхъ цѣнностей.

Но если это не убѣдительно, то пусть каждый по совѣсти отвѣтитъ на вопросъ: развѣ императоръ Вильгельмъ съ своей безгранично развитой „волей къ власти", съ своими мечтами о міровомъ владычествѣ, съ своими безчеловѣчными моральными принципами,

совершенно тожественными съ принципами „господской морали", развѣ онъ по своему духу и настроенію не напоминаетъ Ницше? Далѣе: когда мы читаемъ страшныя сообщенія о нѣмецкихъ звѣрствахъ когда, мы, если бы даже и не хотѣли, но не можемъ не вѣрить, что нѣмцы „отрѣзываютъ пальцы и языки, вѣшаютъ жителей мирныхъ селеній на вѣтвяхъ деревьевъ вдоль дорогъ, вѣшаютъ и калѣчатъ дѣтей и женщинъ, самымъ недостойнымъ образомъ оскверняютъ святые престолы и священные сосуды, творятъ грязныя насилія надъ женщинами, рѣжутъ даже маленькихъ дѣтей, разстрѣливаютъ плѣнныхъ и мирныхъ жителей въ присутствіи ихъ женъ и матерей, живыми сжигаютъ людей на кострахъ", когда мы узнаемъ все это, то развѣ мы не вправѣ думать, что въ Германіи Ницше не одинъ, а ихъ тысячи, а можетъ быть и милліоны, что безумный Ницше облекъ въ слово только то, что таилось и таится въ душѣ громадной массы его соотечественниковъ. И замѣчательно, что германцы не отрекаются, не открещиваются отъ Ницше, а признаютъ его своимъ мыслителемъ, роднымъ имъ по духу. Вотъ что говорилъ проф. филологіи Брейзингъ при гробѣ Ницше: „Не смотря на несогласіе и раздоръ, возникшій между Ницше и его народомъ, онъ все же былъ нѣмцемъ въ душѣ". Да, онъ былъ настоящимъ нѣмцемъ: вся его дикая философія есть естественный продуктъ предшествующихъ идей, выросшихъ на почвѣ бездушнаго и мертвящаго нѣмецкаго раціонализма. Ницшеанскія мысли еще до появленія личности Фридр. Ницше какъ бы носились въ духовной атмосферѣ нѣмецкаго народа.

Считать философію Ницше только случайнымъ явленіемъ въ исторіи духовнаго развитія нѣмецкаго народа тѣмъ болѣе невозможно, что люди глубокой духовной прозорливости предчувствовали нарожденіе ницшеанскихъ идей на почвѣ раціонализма уже въ то время, когда Ницше еще не выступилъ съ своей дикой философіей. Выведенные Достоевскимъ типы крайнихъ раціоналистовъ, именно—Раскольниковъ и Иванъ Карамазовъ,—это типы чисто ницшеанскіе. Въ ихъ воззрѣніяхъ мы встрѣтимъ и мечты о сверхъ-человѣкѣ („человѣко-богѣ"), и дѣленіе морали на господскую и рабскую, и признаніе за властными людьми права на преступленіе. Вотъ какіе взгляды они развивали: „Люди по закону природы раздѣляются на два разряда: на низшій, т. е. такъ сказать—на матеріалъ, служащій единственно для зарожденія себѣ подобныхъ, и собственно на людей, т. е. имѣющихъ даръ или талантъ сказать въ своей средѣ *новое слово*. Первый разрядъ, т. е. матеріалъ,—люди по натурѣ своей консервативные, чинные, живутъ въ послушаніи и любятъ быть послушными: они и обязаны быть послушными, потому что это ихъ назначеніе. Второй разрядъ—это преступники закона, разрушители или склонные къ тому, смотря по способностямъ. Если ему надо для своей идеи перешагнуть хотя бы и черезъ трупъ, черезъ кровь, то онъ внутри себя, по совѣсти, можетъ дать себѣ разрѣшеніе перешагнуть черезъ кровь. Замѣчательно, что большая часть благодѣтелей и установителей

человѣчества были особенно страшные кровопроливцы. Первый разрядъ людей, именно—людей обыкновенныхъ, всегда господинъ настоящаго, второй—господинъ будущаго; первые сохраняютъ міръ и пріумножаютъ его численно, вторые двигаютъ міръ и ведутъ его къ цѣли. Огромная масса людей, матеріалъ, для того только и существуетъ на свѣтѣ, чтобы, наконецъ, чрезъ какое-то усиліе, какимъ-то таинственнымъ до сихъ поръ процессомъ, посредствомъ какого-нибудь перекрещиванія родовъ и породъ, понатужиться и породить, наконецъ, на свѣтъ, ну, хоть изъ тысячи одного, хоть сколько-нибудь самостоятельнаго человѣка. Еще съ болѣе широкою самостоятельностью раждается, можетъ быть, изъ десяти тысячъ одинъ; еще съ болѣе широкою—изъ ста тысячъ одинъ; геніальные люди изъ милліоновъ, а великіе геніи, завершители человѣчества, можетъ быть, по истеченіи многихъ тысячей милліоновъ людей на землѣ. Законъ у людей всегда былъ одинъ: кто крѣпокъ и силенъ духомъ, тотъ надъ ними и властелинъ. Кто много посмѣетъ, тотъ у нихъ и правъ. Кто на большее можетъ плюнуть, тотъ у нихъ и законодатель, а кто больше всѣхъ можетъ посмѣть, тотъ и всѣхъ правѣе. Власть дается только тому, кто посмѣетъ наклониться и взять ее. Тутъ одно только, одно: стоитъ только посмѣть!... Надо прежде всего только разрушить въ человѣчествѣ идею о Богѣ,—вотъ съ чего надо приняться за дѣло! Разъ человѣчество поголовно отречется отъ Бога, то само собою падетъ прежнее міровоззрѣніе и главное—вся прежняя нравственность, и наступитъ все новое. Человѣкъ возвеличится духомъ божеской, титанической гордости и явится человѣко-богъ. Новому человѣку позволительно стать человѣко-богомъ даже хотя бы одному въ цѣломъ мірѣ, и ужъ, конечно, въ новомъ чинѣ, съ легкимъ сердцемъ онъ перескочитъ всякую прежнюю нравственную преграду прежняго раба-человѣка, если это понадобится. Для Бога не существуетъ закона! Гдѣ станетъ Богъ, тамъ ужъ мѣсто Божіе! Гдѣ стану я, тамъ сейчасъ же будетъ первое мѣсто; все позволено и шабашъ!“

Здѣсь намѣчены всѣ основные пункты философіи Ницше. Можно ли послѣ этого говорить, что философія Ницше явленіе случайное, что она не стоитъ въ связи съ ходомъ предшествующаго развитія нѣмецкаго народа? Правда, Достоевскій вывелъ ницшеанскіе типы не изъ среды нѣмцевъ, но онъ совсѣмъ и не думалъ въ данномъ случаѣ о какомъ-нибудь національномъ типѣ: онъ хотѣлъ только изобразить тотъ путь, которымъ человѣкъ, къ какой бы онъ народности ни принадлежалъ, послѣдовательно и неизбѣжно приходитъ отъ раціоналистическаго рѣшенія всѣхъ высшихъ вопросовъ къ устраненію религіозной вѣры и ниспроверженію христіанской нравственности. Путь этотъ до конца пройденъ германскимъ народомъ или, по крайней мѣрѣ, значительной его частью. И вотъ онъ теперь явился предъ нами во всемъ безобразіи своей самонадѣянности, своего самообожанія и гордости, своей дикой, невыразимой жестокости.

Конечно, предвѣдѣніе Достоевскаго можетъ оказаться пророческимъ и по отношенію къ намъ, русскимъ. И намъ можетъ угрожать то же духовное одичаніе, то же отреченіе отъ высокихъ нравственныхъ принциповъ христіанства, если мы всецѣло поддадимся вліянію раціонализма и положимъ его въ основу всей религіозной и нравственной жизни. Къ сожалѣнію, раціоналистическое теченіе захватило-бы и наше общество, особенно ту часть его, которая слишкомъ довѣрчиво относилась къ опасной мудрости нѣмецкихъ учителей. Отъ этой-то страшной опасности и предостерегалъ русское общество геніальный писатель Достоевскій. Но теперь эта опасность намъ не страшна: послѣ того, что пережито русскимъ народомъ въ нынѣшнюю страшную войну, послѣ всѣхъ тяжелыхъ нашихъ страданій, виновникомъ которыхъ является главнымъ образомъ германскій народъ, обаяніе призрачной нѣмецкой мудрости должно исчезнуть само собою. Придетъ время, горечь и страданія нынѣшняго времени забудутся, и тогда мы, можетъ быть, будемъ благословлять нынѣшнюю войну, благословлять за то, что она раскрыла намъ глаза на нѣмецкій народъ и на ея философскую и богословскую литературу, всю пропитанную ядовитымъ духомъ раціонализма.

Протоіерей *А. Смирновъ.*

Значеніе религіознаго опыта.

Мы переживаемъ историческій моментъ величайшей важности,—мы воюемъ не только съ германской арміей, но и съ германскимъ міросозерцаніемъ, съ германской философіей. Какъ извѣстно, за послѣднее пятидесятилѣтіе руководящіе принципы и идеи даются міру изъ Германіи; вѣроятно, это происходитъ оттого, что со времени франко-прусской войны міровая политика сосредоточилась въ Берлинѣ. Правда,—эта политика основывается на силѣ бронированнаго кулака, но—все равно—въ человѣческой исторіи обыкновенно сила оказывается связанною съ идеями. И потому мы видимъ всюду распространеніе нѣмецкихъ идей, видимъ всюду внѣдреніе нѣмецкаго міросозерцанія.

Рядомъ съ этимъ мы видимъ, что тѣ идеи, тѣ принципы, которые, укоренившіеся на германской почвѣ, даютъ заманчивую культуру и внѣшній блестящій прогрессъ, у насъ, войдя въ нашу русскую жизнь, не сопровождаются внѣшнимъ блескомъ, у насъ эти идеи отражаются лишь на внутреннемъ устроеніи людей; при чемъ идеи эти принимаютъ уродливыя формы и какъ-бы отравляютъ духовную сторону жизни русскаго человѣка.

За послѣднее время эта отрава проявлялась весьма ощутительно. Не даромъ послѣ, такъ называемаго, „освободительнаго движенія“ стали раздаваться голоса противъ того направленія, которое у насъ создалось, не даромъ начали осуждать культуру—выразительницу нѣмецкаго міросозерцанія. Носители этой культуры,—пишетъ одинъ изъ авторовъ нашумѣвшаго въ свое время сборника „Вѣхи“,—составляютъ „кучку искалѣченныхъ душъ, сонмище больныхъ, человѣкоподобныя чудища, потерявшія Бога“.

Вотъ кошмаръ, который тяготѣетъ надъ нами, вотъ тѣ уродливыя формы развитія, которыя были восприняты многими въ русскомъ образованномъ классѣ...

Въ чемъ же дѣйствительно кроется эта болѣзнь? Почему тѣ же идеи, которыя дали пышный и столь красивый съ внѣшней стороны расцвѣтъ на германской почвѣ, у насъ въ Россіи отозвались болѣзненно и уродливо?

Причину этого явленія, несомнѣнно, надо искать въ глубокихъ духовныхъ основахъ двухъ народовъ, основахъ, вкоренившихся за всю многовѣковую исторію, въ тѣхъ основахъ, которыя, если и могутъ быть искоренены или видоизмѣнены, то лишь путемъ долговременныхъ и упорныхъ воздѣйствій.

Если мы обратимся къ руководящей насъ нѣмецкой наукѣ, къ нѣмецкой философіи, то прежде всего замѣтимъ, что яркой и отличительной чертой этой науки является то, что она какъ-бы вычеркиваетъ изъ жизни практическое значеніе религіи; она не признаетъ силы религіознаго опыта; она игнорируетъ связанныя съ этимъ опытомъ религіозныя переживанія.

Нѣмецкая философская наука, какъ извѣстно, устремила все свое вниманіе на умъ человѣка, на развитіе его интеллекта, его головного мозга. Увлеченіе этой психической сущностью было такъ велико, что все остальное въ духовной жизни человѣка было принесено въ жертву этой сущности, этой силѣ. Разуму человѣческому приписали все, чувствованія же, эмоціи были признаны не заслуживающими особаго вниманія, были признаны всецѣло подчиненными силѣ головного мозга.

Такимъ образомъ и нравственное чувство и нравственное совершенствованіе человѣка, а вмѣстѣ съ ними и религія, признаны были производными разсудка и сознанія. На этомъ нѣмецкая философія утвердилась и стала заниматься религіей лишь постольку, поскольку она касается ума человѣческаго; религіозный же опытъ, всѣ религіозныя переживанія, всѣ эмоціональныя движенія утратили свое жизненное практическое значеніе и заглушились раціоналистическими идеями.

Американскій философъ и психологъ Вильямъ Джемсъ въ своей книгѣ „Многообразіе религіознаго опыта“ говоритъ, что религія представляетъ изъ себя *ничто*, если она не является переживаніемъ, если она не является жизненнымъ актомъ, съ помощью котораго душа человѣка стремится спастись, связывая себя съ Первоисточникомъ, изъ котораго она выводитъ свою жизнь.

Если религія не даетъ человѣку приблизиться къ Богу,—говоритъ тотъ же Джемсъ,—не допускаетъ между ними никакихъ внутреннихъ бесѣдъ, никакого общенія, не даетъ возможности Богу подѣйствовать на человѣка, ни человѣку обратиться къ Нему, то подобная религія представляетъ собой только философію.

Чтобы религія имѣла значеніе, имѣла цѣнность для жизни,—говоритъ нашъ русскій философъ и профессоръ С. Н. Булгаковъ,—она должна непремѣнно выражаться въ религіозныхъ переживаніяхъ, въ религіозномъ опытѣ.

Остановимся здѣсь, чтобы уяснить себѣ, что именно разумѣется подъ религіознымъ опытомъ, подъ религіозными переживаніями?

Религіозный опытъ и связанныя съ нимъ религіозныя переживанія—это есть стремленіе человѣка развить въ себѣ чувство связи съ

Высшей Божественной Силой, чувство связи съ Богомъ. Человѣкъ безсознательно и невольно несетъ въ себѣ ощущеніе присутствія въ мірѣ Высшей Божественной Силы; человѣкъ не можетъ не испытывать чувства зависимости, чувства безсилія, чувства своего ничтожества, чувства удивленія и благоговѣнія передъ Силой, которая выше его, которую постичь своимъ умомъ онъ не въ состояніи и подчиняться которой онъ долженъ. Съ этой личной Силой человѣкъ и стремится установить и поддержать свою связь.

Проходя личнымъ опытомъ, осуществляя въ своей жизни стремленіе соединиться съ Высшей Силой, человѣкъ тѣмъ самымъ мало-по-малу приближается къ Богу. Въ жизни такого человѣка происходитъ удивительное явленіе. Мало-по-малу границы его существованія раздвигаются, и онъ начинаетъ развивать въ себѣ ощущеніе болѣе широкой жизни, чѣмъ наша полная мелкихъ интересовъ, себялюбивая жизнь. Человѣкъ, ощутившій въ себѣ чувство таинственной связи между Высшей Силой и своей жизнью, понемногу перестраиваетъ всю свою жизнь; эгоизмъ подавляется и является любовное отношеніе къ окружающему. Всѣ личныя побужденія и преграды, обыкновенно представляющія могущественную силу, дѣлаются безсильными и ничтожными; всѣ наши мелкія заботы, опасенія отходятъ на второй планъ и на ихъ мѣстѣ воцаряется спокойствіе души. Приближающійся къ Божеству начинаетъ смотрѣть на весь міръ, на всю природу совсѣмъ иными глазами. Все ему кажется новымъ и прекраснымъ. Это можно сравнить съ разницею въ нашихъ ощущеніяхъ, когда мы смотримъ на одного и того же человѣка съ любовью или безъ любви. Въ первомъ случаѣ наши отношенія имѣютъ особую жизненность.

Религіозныя переживанія, также какъ любовь, какъ надежда,— говоритъ Джемсъ,—придаютъ жизни оттѣнокъ очарованія, который не можетъ быть выведенъ раціональнымъ или логическимъ путемъ ни изъ чего другого. Религіозный опытъ есть расширеніе внутренней жизни человѣка и даетъ ему новую сферу проявленія силъ. Когда жизненная борьба кончается для насъ пораженіемъ и все какъ-бы рушится вокругъ насъ, религіозное чувство возвращаетъ къ жизни нашъ внутренній міръ, который безъ этого оставался бы безжизненной пустыней.

Религіозный опытъ, говоритъ профессоръ Булгаковъ, котораго мы цитировали выше, не есть ни научный, ни философскій, ни эстетическій, ни этическій, и какъ нельзя умомъ познать красоту, такъ мыслью дается только блѣдное представленіе о попаляющемъ огнѣ религіознаго переживанія.

Основаніе и источникъ религіознаго опыта есть молитва. Молитву вообще надо разсматривать какъ бесѣду человѣка съ той Силой, которую онъ признаетъ Божественной. Благодаря молитвѣ проявляетъ активную дѣятельность духовная энергія, которая иначе находилась бы въ дремлю-

щемъ состояніи; благодаря молитвѣ дѣйствительно производится извѣстнаго рода духовная работа.

Епископъ Ѳеофанъ Затворникъ сравниваетъ молитву съ дыханіемъ человѣческой души. Онъ говоритъ: „Дѣйствіе молитвы у святыхъ отцовъ было признакомъ жизни духовной, и они именовали ее дыханіемъ духа. Есть дыханіе въ тѣлѣ, живетъ тѣло; прекратится дыханіе — прекращается жизнь. Такъ и въ духѣ. Есть молитва—живетъ духъ; нѣтъ молитвы—нѣтъ жизни въ духѣ". Ту же мысль высказываетъ св. Іоаннъ Златоустъ въ слѣдующемъ сравненіи: „Если ты лишишь себя молитвы то дѣлаешь тоже, что вынувъ рыбу изъ воды, ибо какъ этой жизнь вода—такъ тебѣ молитва".

Кромѣ молитвы, религіозный опытъ нуждается еще и въ таинствахъ. Таинство исповѣди и причащенія представляютъ собою высшую ступень въ развитіи религіознаго чувства. Они являются очищеніемъ, въ которомъ религіозный человѣкъ нуждается, когда хочетъ исправиться. Таинства эти какъ бы отсѣкаютъ отъ человѣка грѣховную часть души. Человѣкъ, который проходитъ черезъ таинства исповѣди и причащенія, ощущаетъ, что этотъ моментъ есть конецъ заблужденій, конецъ лицемѣрія и начало обновленной жизни.

Для того, чтобы умомъ нашимъ постигнуть религію, для того, чтобы понять въ чемъ заключается религіозное переживаніе, религіозный опытъ, нужно наблюдать тѣхъ, кто являются свѣточами религіи, тѣхъ, кто являются великими молитвенниками. Святые наши учатъ насъ религіозному опыту и вмѣстѣ съ тѣмъ вліяютъ на насъ таинственнымъ и неизслѣдимымъ образомъ силою своей личности. Жизнь святыхъ подвижниковъ, живые памятники религіи — священныя книги, обычаи, культъ и рядомъ съ этимъ личный опытъ—вотъ источникъ знанія въ области религіи.

Все это нѣмецкая философія и согласованное съ нею нѣмецкое міросозерцаніе отвергли и тѣмъ какъ-бы изгнали религію изъ жизни.

Произошло это оттого, что нѣмецкая философія и съ нею вмѣстѣ нѣмецкое міросозерцаніе выросли и развились на протестантской почвѣ. Протестантизмъ самъ удалился отъ основнаго существа религіи, самъ умалилъ значеніе религіознаго опыта, умалилъ значеніе религіозныхъ переживаній и потому утратилъ живую связь человѣка съ Богомъ, на которой зиждется религія. Протестанты, начавши съ протеста противъ крайностей католическаго ученія, противъ злоупотребленій папскаго престола, кончили тѣмъ, что увлеклись своими умствованіями, своими философствованіями, — кончили тѣмъ, что оторвались отъ неизмѣннаго древнѣйшаго церковнаго ученія, потеряли пониманіе истиннаго христіанскаго пути и утратили ту таинственную мистическую связь человѣка съ Высшей Силой, которая и составляетъ сущность религіи. Связь эта, какъ мы видѣли, основывается и поддерживается не умствованіями, не философіей, а переживаніями, религіознымъ опытомъ. Нѣмецкая наука рука

объ руку съ протестантизмомъ превратила мало-по-малу религію въ философствованіе. Религіозныя переживанія, не поддерживаемыя религіознымъ опытомъ, замерли въ нѣмецкихъ сердцахъ и превратились въ холодныя, логическія, красивыя, но бездушныя построенія, превратились въ философію. Люди, не переживая, не ощущая таинственной связи съ Богомъ, порвали ее; они оторвались отъ неба и занялись всецѣло землей.

Если мы видимъ еще у протестантовъ храмы, культъ, то все это въ ихъ жизни играетъ скорѣе декоративную роль. Горячее, религіозное чувство, религіозныя переживанія отсутствуютъ; религіозное сознаніе погашено.

На почвѣ земного отношенія къ религіи, на почвѣ оторванности отъ неба возникла цѣлая теорія, цѣлая наука, проповѣдующая, что счастье наше, благополучіе, все внутреннее удовлетвореніе человѣка зависитъ прежде всего отъ внѣшнихъ условій, создаваемыхъ самимъ человѣкомъ. Теорія эта игнорируетъ внутреннюю сторону христіанства и, вопреки даже основному положенію ученія Христа, что Царство Божіе, т. е. счастье, удовлетвореніе, внутрь насъ есть, учитъ, что счастье надо искать во внѣшнихъ условіяхъ. И, вотъ, по этой теоріи выходитъ, что счастье, благополучіе надо прежде всего искать въ хорошей и сильной арміи, ибо тогда наше имущество, наше добро будетъ обезпечено: никто не рѣшится отнимать его у насъ, такъ какъ будетъ бояться потерять свое собственное. Для счастья и благополучія по этой теоріи нужны также огнебезопасныя постройки, нужна хорошая медицина, хорошая полиція, хорошее управленіе, а, главное, надо имѣть какъ можно больше денегъ. Если у насъ много денегъ, то мы можемъ достигнуть вершинъ благополучія, вершинъ счастья. Царство Божіе будетъ завоевано и будетъ завоевано путемъ чисто внѣшнимъ. Тогда мы будемъ наслаждаться глубочайшимъ душевнымъ миромъ; мы будемъ сознавать, что можемъ получить все нужное намъ. Чего же больше желать?

Засимъ изъ этой философіи родилось и соціалистическое ученіе, которое по существу одно и то же, что и нѣмецкое міросозерцаніе бронированнаго кулака.

И нѣмцы, увѣровавъ въ эту философію, замѣнили ею религію; этой религіи, этой философіи они дали практическое значеніе въ жизни; они всецѣло замѣнили религіозный опытъ опытомъ бронированнаго кулака. Съ небомъ нѣмцы покончили, и всѣ усилія свои направили къ земному прогрессу. Они послѣдовательны и логичны; они удовлетворены. Про нихъ можно сказать, что они отдались чистѣйшему и исключительному служенію мамонѣ.

Вотъ причина, почему нѣмецкая философія на протестантской почвѣ дала пышный расцвѣтъ и принесла свои съ внѣшней стороны красивые плоды въ видѣ поразительнаго благоустройства, кажущагося блеска, въ видѣ культуры и внѣшняго прогресса.

Но въ настоящій моментъ мы видимъ ясно, что этотъ же внѣшній прогрессъ, эта нѣмецкая философія и нѣмецкое міровоззрѣніе съ своимъ

внѣшнимъ блескомъ несутъ и войну, и жестокости, и звѣрства. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, для прогресса нужны богатства, и, вотъ, народъ, считающій себя болѣе сильнымъ, забронировавшій свой кулакъ, желаетъ, во что бы то ни стало, этого богатства и не останавливается передъ тѣмъ, чтобы отнять богатство у того, кто кажется ему болѣе слабымъ, отнять насиліемъ, чтобы достигнуть еще большаго земного благополучія.

Таково нѣмецкое устроеніе, таково міросозерцаніе, выросшее на почвѣ, гдѣ отвергли небо, гдѣ отказались отъ религіознаго опыта и погасили религіозныя переживанія, таковы результаты этого міросозерцанія.

Сопоставимъ теперь рядомъ съ этимъ міросозерцаніемъ наше русское, вкоренившееся въ сердца людей жизнепониманіе, основанное на народной вѣрѣ, на исконномъ русскомъ православіи, перейдемъ къ нашимъ кореннымъ идеаламъ, и мы увидимъ, что они не только не совпадаютъ съ нѣмецкимъ міросозерцаніемъ, но прямо противоположны ему. Нашъ народъ и съ нимъ вмѣстѣ наша интеллигенція, значительная часть которой еще не испорчена окончательно западными ученіями, пропитаны православнымъ пониманіемъ вѣры. А что такое православное пониманіе вѣры?

Православіе прежде всего основано на неизмѣнномъ сохраненіи древнѣйшаго церковнаго ученія, отъ котораго оторвался протестантизмъ. Все православіе *держится на религіозномъ опытѣ и на связанныхъ съ этимъ опытомъ религіозныхъ переживаніяхъ.* Русскій православный человѣкъ инстинктивно боится разобщиться съ Богомъ; онъ невольно сохраняетъ, переживаетъ ту таинственную, мистическую связь съ Богомъ, которая и составляетъ сущность его религіозной жизни, которая и есть основная черта религіи православной. Часто мы видимъ, что православные русскіе люди, хотя съ внѣшней стороны и кажутся увлекающимися раціоналистическими ученіями, но сами, не сознавая своихъ противорѣчій, горячо и неудержимо отдаются молитвѣ, а нѣкоторые изъ нихъ, осознавши пустоту различныхъ умствованій, отрѣшаются отъ нихъ окончательно, уходятъ даже въ монастыри, лишь бы поддержать, лишь бы пережить о блаженное состояніе души, которое дается связью человѣка съ Богомъ, которое дается приближеніемъ человѣческой души къ Богу.

Въ православіи мы встрѣчаемъ не только изученіе жизни тѣхъ, кто являются свѣточами въ религіи, но и горячее любовное отношеніе къ этимъ свѣточамъ. Православные подвижники, святые являются какъ-бы звеньями въ той таинственной, мистической связи человѣка съ Богомъ, утрата которой для русскаго человѣка есть душевный мракъ. Русскіе люди восполняютъ свои еще не полныя достиженія религіознаго опыта— опытомъ тѣхъ, кои воплотили во всемъ своемъ блескѣ христіанскую жизнь въ своей личной жизни; русскіе люди какъ-бы заражаются примѣромъ жизни своихъ подвижниковъ, стремятся къ нимъ и испытываютъ

на себѣ всю силу ихъ духовной мощи. Кто изъ насъ не видалъ, не знаетъ тѣхъ пламенныхъ горячихъ молитвъ русскихъ людей передъ иконами святыхъ подвижниковъ. Эти люди, безъ сомнѣнія, ощущаютъ въ сердцахъ своихъ присутствіе того святого, къ которому обращаются не рѣдко со слезами на глазахъ; эти люди черпаютъ у подвижника силы для того, чтобы воспринять христіанство въ себѣ какъ новую жизнь, для того, чтобы преобразить свою личную жизнь.

Православное міросозерцаніе зиждется на раскрытіи внутренней стороны христіанства; высшая цѣнность здѣсь—душа человѣка, а не внѣшній прогрессъ съ его блескомъ и удобствами. Вотъ почему православный человѣкъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что счастье или Царство Божіе слѣдуетъ искать во внѣшнихъ условіяхъ, создаваемыхъ человѣкомъ. Православный человѣкъ неизмѣнно будетъ стремиться къ Евангельскому Царству Божію, которое, по словамъ Спасителя, внутрь насъ есть; онъ будетъ стремиться къ тому счастью, которое видитъ въ особомъ горѣніи духа, въ томъ горѣніи духа, которое у святыхъ подвижниковъ превращаетъ лишенія въ радость и дѣлаетъ ихъ недоступными ощущенію несчастья. Православный человѣкъ помнитъ и другія слова Спасителя, что „Царство Божіе силою берется и употребляющіе усиліе восхищаютъ его". И русскій человѣкъ употребляетъ это усиліе, которое въ сущности и есть то переживаніе, тотъ религіозный опытъ, который отвергли и устранили изъ своей жизни нѣмцы.

Къ сказанному можно еще прибавить, что русскіе православные люди не отрицаютъ также и земного благополучія и земныхъ благъ, ибо они знаютъ, что и христіанство не отрицало ихъ. Христосъ началъ свою дѣятельность съ того, что явился на бракъ въ Канѣ Галилейской и претворилъ тамъ воду въ вино. Онъ никогда не шелъ противъ земныхъ радостей. Согласно съ христіанскимъ православнымъ пониманіемъ вѣры и мы не отрицаемъ счастья и благополучія на землѣ, но мы убѣждены, проникнуты, ощущаемъ, что счастье на землѣ невозможно безъ Бога, безъ мысли о небѣ, безъ стремленія къ тому, что выше человѣка, безъ мистической, таинственной связи съ Богомъ: „Ищите прежде Царства Небеснаго и правды Его, и это все приложится вамъ", говорится въ Евангеліи. Слѣдовательно—поддерживайте прежде всего связь съ небомъ, съ Богомъ, тогда и все земное устроится такъ, какъ слѣдуетъ.

Опираясь на эти идеи, создалась и русская философія, которая по преимуществу есть философія религіозная. Наша наиболѣе талантливая литература также живетъ интересами религіозными, и для нашихъ писателей, какъ и вообще для православныхъ людей, душа человѣка, внутреннее устроеніе человѣка, есть главная цѣнность. Нашъ Достоевскій представляетъ этому яркій примѣръ. Нашъ великій мастеръ слова Гоголь, авторъ „Мертвыхъ душъ", изображающій русскую дѣйствительность чисто-реально, начинаетъ свою литературную дѣятельность „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки," а кончаетъ религіозными размышле-

ніями о Божественной литургіи. Нашъ Толстой, не признающій ничего таинственнаго, мистическаго, — раціоналистъ, отравленный западными идеями, не вѣрующій въ Воскресеніе Христово, пишетъ о перерожденіи души человѣка, о нравственномъ „воскресеніи“ человѣка.

Итакъ, если идеалъ нѣмецкій есть внѣшній прогрессъ, внѣшняя культура, то идеалъ русскій есть внутренняя переработка души человѣка, есть стремленіе къ тому блаженному состоянію души, которое дѣлаетъ человѣка независимымъ отъ внѣшнихъ условій, которое дѣлаетъ его счастливымъ, не взирая ни на какія окружающіе порядки.

И путь къ этому достиженію, по православному пониманію, одинъ,— это путь религіознаго опыта, который таинственно и мистически приводитъ человѣка къ реальному жизненному познанію Бога.

Сопоставивши два міросозерцанія, мы ясно видимъ ихъ коренное различіе. Это различіе и мѣшаетъ привитію одного міросозерцанія другому, это различіе и дѣлаетъ то, что нѣмецкое жизнепониманіе, влитое въ русскія души, даетъ болѣзненныя и уродливыя формы.

Дѣйствительно, что мы видимъ? Мы видимъ, что большинство русскихъ людей, храня еще въ глубинахъ души своей корни христіанскаго нравственнаго закона, находятся подъ ослѣпленіемъ внѣшняго блеска западной культуры; большинство русскихъ людей, инстинктивно сердцемъ своимъ чувствуя силу Божію, на ряду съ этимъ обольщаются построеніями холодной нѣмецкой философіи, — философіи въ сущности бездушной и безплодной. И эти люди ищутъ удовлетворенія не тамъ, гдѣ могутъ найти его; отрицая силу Божію, отрицая все таинственное и высшее, не укладывающееся въ ихъ мозговое мышленіе, они обыкновенно кончаютъ тѣмъ, что утрачиваютъ душевное равновѣсіе, душевный покой и ни въ чемъ уже не находятъ удовлетворенія.

Но, вотъ, за послѣднее время, къ сожалѣнію, бываетъ и то, что нѣкоторые русскіе люди изъ интеллигентнаго класса, испытывая подобный разладъ души, приписываютъ это прямо религіи... Религія мѣшаетъ имъ жить покойно и наслаждаться жизнью, она съ своими нравственными законами является помѣхою въ ихъ стремленіямъ. Религіозный же культъ и обычаи православной вѣры представляются имъ пережиткомъ старины, предразсудками, отъ которыхъ они стараются избавиться. Эти люди для того, чтобы избавиться отъ предразсудковъ, начинаютъ какъ бы силою изгонять религію изъ жизни, начинаютъ искусственно отрываться отъ Бога. Они не только сами не посѣщаютъ нашихъ храмовъ, не молятся Богу, не знаютъ нашъ культъ, наши обычаи, но даже запрещаютъ въ присутствіи дѣтей своихъ говорить о Богѣ, изгоняютъ изъ своей жизни все, что можетъ напомнить о Богѣ, какъ-то иконы, священныя книги и т. п., доходятъ даже до того, что къ дѣтямъ своимъ ищутъ нянь, не вѣрующихъ въ Бога. Дѣлаютъ они это въ погонѣ за внѣшнимъ прогрессомъ и культурой. Но люди эти не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что дѣлаютъ; они не понимаютъ своего раздвоенія, своей уродливости.

Потому-то русская интеллиленція, воспринимая нѣмецкое міросозерцаніе, превращается въ сонмище больныхъ и искалѣченныхъ душъ, потерявшихъ Бога.

Будемъ надѣяться, что этотъ кошмаръ разсѣется; будемъ надѣяться, что русскіе люди ясно увидятъ, въ чемъ ихъ счастье, въ чемъ ихъ сила. — Сила и счастье русскихъ людей въ той таинственной, мистической связи съ Богомъ, которая поддерживается у насъ религіознымъ опытомъ и связанными съ нимъ религіозными переживаніями.

Это богатство внутреннихъ душевныхъ ощущеній больше, цѣннѣе внѣшняго нѣмецкаго прогресса. Это богатство обладаетъ чудесной властью избавлять человѣка отъ страданій; оно доставляетъ ему необычайную стойкость души. Не будемъ же „за чечевичную похлебку культурной жизни, — какъ выразился одинъ изъ представителей нашей церкви Архимандритъ Иларіонъ въ своей рѣчи, произнесенной 3-го сент. 1914 г. въ Московской духовной Академіи, — продавать наше право божественнаго первородства.“

Будемъ держаться твердо и неизмѣнно за религіозный опытъ и не будемъ искусственно и болѣзненно отрываться отъ Бога.

О. Лодыженская.

Проблема зла.

Я, кажется, не ошибаюсь, если думаю, что сегодняшняя тема, относящаяся къ глубочайшей тайнѣ сотвореннаго міра, возбудила нѣкоторое любопытство. Такое отношеніе налагаетъ на лектора существенныя обязанности. Отъ него непремѣнно требуется, чтобы онъ отвѣчалъ ожиданіямъ, т. е. чтобы на необычно заманчивую тему онъ сумѣлъ представить соотвѣтственно интересный докладъ. И по сему поводу я, конечно, нахожусь къ нѣсколько затруднительномъ положеніи, такъ какъ тема моя представляется очень трудною, какъ по существу, такъ и по формѣ. По существу само по себѣ. А по формѣ — потому, что изложеніе вещей очень серьезныхъ, міровой, такъ сказать, важности, приходится провести въ рамкахъ одного доклада. Я считаю необходимымъ это указаніе для того, чтобы вы не пеняли на меня, если я не въ равной степени сумѣю удовлетворить всѣхъ. Во всякомъ случаѣ будьте снисходительны и не откажите въ нѣкоторомъ вниманіи даже тогда, когда мнѣ поневолѣ придется говорить объ отвлеченныхъ вещахъ нѣсколько отвлеченно.

Я увѣренъ, что настоящее тяжелое время небывалыхъ ужасовъ на поляхъ сраженія является для многихъ христіанъ особымъ поводомъ къ тому, чтобы задавать себѣ чаще обыкновеннаго такого рода вопросы: Къ чему собственно существуетъ зло на Божіемъ свѣтѣ? Къ чему вся эта кровь, эти ужасы, всѣ эти сверхчеловѣческія мученія, стоны и слезы милліоновъ существъ, къ чему все это зло, если Всемогущій Господь, Богъ кротости и добра, управляетъ вселенною, и если безъ святой воли Его ни одинъ волосъ не можетъ упасть съ нашей головы? Къ чему все это зло? Да зачѣмъ и вообще существуетъ зло?... Богъ его попускаетъ, говорятъ! Но этотъ самый терминъ „попущеніе зла“, терминъ столь распространенный ради объясн. нія необъяснимаго, этотъ самый терминъ „попущеніе зла“ якобы со стороны всеблагого и всемогущаго Господа, онъ въ существѣ дѣла ровно ничего не объясняетъ. Съ такимъ объясненіемъ мириться нельзя, потому что оно представляетъ собою только одно изъ двухъ: или недоразумѣніе или сознательное извращеніе идеи о Богѣ. И такъ какъ мы очень далеки отъ предположенія, чтобы изобрѣтатели пресловутой ходячей аксіомы намѣревались сознательно извратить идею

о Богѣ, то приходится заключить, что мы тутъ стоимъ передъ недоразумѣніемъ, подъ вліяніемъ котораго предполагалось объяснить великую тайну посредствомъ безсодержательнаго силлогизма.

Богъ, по заключенію этого силлогизма, попускаетъ зло. Но позвольте спросить: является ли Господь нашъ Богомъ всеблагимъ, или только благимъ — такъ себѣ, на-половину, дѣлающимъ, конечно, въ общемъ итогѣ добро, но примѣняющимъ порою зло, какъ средство, по знаменитому принципу о цѣли, которою средства оправдываются?!.. Какъ вы думаете? Не страшно ли становится отъ тѣхъ ужасныхъ выводовъ, къ которымъ мы подходимъ, если мы хотя бы на мигъ могли увлечься подобнымъ предположеніемъ! Нѣтъ,—Господь никакого зла не совершаетъ и зломъ не орудуетъ ни какъ цѣлью, ни какъ средствомъ къ цѣли, потому что Онъ всеблагій. Или Онъ всеблагій, и тогда Онъ зломъ не орудуетъ, или же Онъ иногда орудуетъ зломъ, и тогда является добрымъ только на половину. Иного выхода нѣтъ, потому что все остальное нелогично. Позвольте, скажутъ мнѣ теперь: Господь всеблагій, конечно, Самъ никогда не орудуетъ зломъ; но Онъ попускаетъ зло ради невѣдомыхъ намъ цѣлей, несомнѣнно только добрыхъ. То есть: Самъ Онъ зла не дѣлаетъ, а предоставляетъ это другимъ, напримѣръ—намъ, и такимъ образомъ остается какъ бы въ сторонѣ отъ всего этого, не желая вмѣшиваться въ наши злыя дѣянія! Выходитъ, стало быть, что въ мірѣ имѣются такія дѣянія, такія происшествія, въ которыхъ Господь Богъ потому не участвуетъ, что они являются злыми. И авторами этихъ дѣяній и происшествій являемся только мы, безъ Бога, за нашъ собственный страхъ и посредствомъ только нашихъ собственныхъ силъ. А намъ еще говорятъ, что Господь Богъ—всемогущъ! Очевидно, что это допускается только въ теоріи, а на практикѣ мы, милостивые государи, и безъ Бога управляемся. Онъ, видите-ли, въ наши дѣянія почти не вмѣшивается, такъ какъ переложилъ на наши собственныя плечи одну весьма существенную часть,—не только половину, но пожалуй даже девять десятыхъ частей своей заботливости. Здѣсь вершителями всего являемся только мы сами; тутъ мы можемъ творить всякое зло безъ Его участія и помимо Его воли. Онъ только попускаетъ. Попускаетъ и вширь, и вглубь, и вдаль безъ всякаго Своего участія. А всемогущъ ли Онъ или не всемогущъ, это практическаго значенія не имѣетъ. Для насъ достаточно, что Онъ на дѣлѣ намъ не мѣшаетъ и такимъ образомъ своимъ всемогуществомъ какъ бы не пользуется. Потому что, если бы Онъ вмѣшивался въ наши дѣла, то творилъ бы добро, а не зло. Наши же дѣянія преимущественно злыя.

Позвольте теперь посмотрѣть, въ чемъ здѣсь ошибка. Я не буду довольствоваться указаніемъ той явной несообразности, которою вѣетъ отъ такого рода заключенія, но постараюсь раціонализировать ее, дабы этою несообразностью поразить не только нашу впечатлительность, но и разсудокъ.

Что такое прежде всего всемогущество? Какое именно божественное свойство принято опредѣлять подобнымъ терминомъ? „Все"—могущество значитъ—безграничный просторъ для воли Божiей, отсутствiе всякаго рода препятствiй къ абсолютному исполненiю всякаго, рѣшительно всякаго движенiя этой воли. Притомъ, исполненiе этой воли является, во-первыхъ, безпрепятственнымъ въ пространствѣ. Иначе говоря, никакихъ механическихъ препятствiй въ смыслѣ трудности къ достиженiю результата эта воля не знаетъ. Во-вторыхъ, исполненiе этой воли является безпрепятственнымъ во времени. Иначе говоря, никакихъ предѣловъ срочной возможности немедленнаго исполненiя Божiей воли не имѣется. Какъ только захотѣлъ, оно уже исполнено. Нѣтъ ни трудности, ни срока. Абсолютное совпаденiе волевого движенiя съ результатомъ. Одновременность обоихъ. Представьте себѣ теперь, что на глазахъ всемогущаго Существа совершается зло. Всемогущее Существо, будучи всеблагимъ, никакого зла не совершаетъ, такъ какъ зло не можетъ соотвѣтствовать Его волѣ, иначе говоря, зло совершается не по Его волѣ. А можетъ быть оно совершается тогда въ противность Его волѣ, т. е.—наперекоръ Ему и не смотря на то, что Божiя воля была иная? Что-нибудь одно: или Господь хотѣлъ, чтобы зло совершилось, или не хотѣлъ. Если хотѣлъ, то стало быть, хотѣлъ зло, и тогда Онъ не является всеблагимъ. Если же не хотѣлъ, тогда зло совершается Ему наперекоръ, и тогда не является всемогущимъ. Или всеблагiй безъ всемогущества, или всемогущъ безъ благости. Отсюда выхода нѣтъ.

И вотъ, на помощь появился силлогизмъ: Господь якобы „попускаетъ" зло. Выходитъ здѣсь нѣчто весьма своеобразное. Не то, чтобы Господь, попуская зло, хотѣлъ бы этого зла: это вѣдь противорѣчило бы Его благости. Да и не то, чтобы Онъ этого зла не хотѣлъ, потому что, если бы Онъ дѣйствительно не хотѣлъ, то кто же могъ бы противодѣйствовать Его всемогуществу? Выходитъ что то такое среднее: не то чтобы воля, да и не то чтобы отсутствiе воли,—однимъ словомъ, въ примѣненiи къ понятiямъ о всемогущемъ и безконечно жизненномъ и личномъ Существѣ—явное недоразумѣнiе. Я васъ спрашиваю серьезно: представьте себѣ, что на глазахъ у васъ имѣетъ совершиться какое-нибудь страшное несчастiе. Представьте себѣ на мигъ, что въ вашихъ рукахъ находятся всѣ сокровенныя нити, всѣ безъ исключенiя средства воздѣйствiя на видимые и невидимые факторы, имѣющiе опредѣлить въ итогѣ своемъ этотъ конечный результатъ—несчастiе. Представьте себѣ, что для абсолютно одновременнаго, абсолютно безпрепятственнаго и безпрекословно полнаго наступленiя какого угодно результата и какихъ вообще угодно обстоятельствъ, представьте себѣ говорю я, что для всего этого было бы достаточно съ вашей стороны не то что одного движенiя, не то что одного слова, не то что одного желанiя, но простой только тѣни желанiя, чтобы зло не совершилось. Если оно все же совершится, то значитъ, у васъ не было и тѣни этого желанiя; да въ концѣ концовъ, всякому

понятно, что вы тутъ имѣли бы прямое участіе во злѣ, и что силлогизмъ о „попущеніи“ тутъ совсѣмъ не помогаетъ: вы явились бы прямымъ дѣйствующимъ виновникомъ этого зла. А при безграничномъ, превышающемъ всякія человѣческія понятія всемогуществѣ Божіемъ этотъ примѣръ является только отдаленнымъ подобіемъ того безграничнаго участія, которое имѣетъ Божія воля во всемъ, что совершается на небеси и на земли. Нѣтъ, Господь Богъ не отстраняетъ Себя и не относится пассивно, мертвенно и бездѣйственно ни къ малѣйшему изъ всѣхъ малѣйшихъ событій. Господь Богъ Себя Самого не устраняетъ, потому что иначе Онъ измѣнилъ бы самому Себѣ. И потому Господь никогда и нигдѣ никакого зла попускать не можетъ, потому что Онъ является всеблагимъ. Безъ Святой воли Его ни одинъ волосъ не упадетъ съ нашей головы. И все, рѣшительно все, безъ всякаго исключенія, что имѣетъ мѣсто на небеси и на земли, все это совершается какъ прямая, всемогущая, дѣйственная воля Господня. Эта воля предѣла не имѣетъ, препятствій не знаетъ, пассивностью или бездѣйственностью никогда и нигдѣ не страдаетъ. Никакого такъ называемаго „попущенія“ съ ея стороны нѣтъ и быть не можетъ, потому что она дѣйственна и жива превыше всякой мѣры человѣческой; она управляетъ всѣмъ, отъ безпредѣльно малаго до безконечно великаго, видимымъ всѣмъ и невидимымъ, на небеси и на земли, и знаетъ и дѣлаетъ только одно—абсолютное добро. А такъ какъ все совершается только по волѣ Божіей, то все, что совершается, есть добро.

Итакъ, съ неопровержимою логическою точностью выходитъ, что одно только добро имѣетъ абсолютное, реальное существованіе. Въ абсолютномъ смыслѣ зло совсѣмъ не существуетъ, его нѣтъ вовсе, оно является нулемъ, не имѣющимъ никакого абсолютнаго значенія передъ безграничною и всемогущею благостью Божіею. Все, все, что совершается на небеси и на земли, совершается только по волѣ Божіей, служитъ по Божіей волѣ одной лишь величайшей цѣли—добру; и поэтому, какъ прямая и дѣйствительная воля Господня, реально ничего кромѣ добра въ себѣ не заключаетъ.

Вотъ мистическое основаніе христіанскаго оптимизма, приговоръ надъ грѣхомъ унынія, несовмѣстнаго съ христіанскою вѣрою. Нельзя именоваться христіаниномъ и быть пессимистомъ. Нельзя именоваться христіаниномъ и убивать въ себѣ и въ другихъ жизнерадостную бодрость возлелѣиваніемъ мрачныхъ думъ постоянными вздохами и любовнымъ перемигиваніемъ съ окружающими насъ мрачными призраками зла. Все къ лучшему! Нельзя именоваться христіаниномъ и отрицать прогрессъ, сомнѣваться въ торжествѣ правды и добра. Царство Божіе въ насъ самихъ находится, и одни и тѣ же законы управляютъ міромъ, отъ безпредѣльно малаго до безпредѣльно великаго, и изъ этихъ законовъ одинъ, величайшій изъ нихъ, говоритъ намъ такъ: впередъ, всегда впередъ, а на всемъ прошедшемъ—крестъ, искупившій все былое и принципіально

въ смыслѣ самой жизненной и дѣйствительной философіи, превратившій всякую малую или великую тоску по потеряннымъ раямъ въ радостную увѣренность все большаго и большаго счастья! Все къ лучшему! Итакъ, одно добро имѣетъ реальное значеніе, а зло—только мрачная иллюзія нашего собственнаго невѣдѣнія.

Но вотъ, я уже чувствую на своихъ мысленныхъ бокахъ безжалостные удары оппонентовъ. Ой, ой, какіе смѣлые выводы! А свобода человѣческой воли? Куда вы ее дѣвали? Всякое происшествіе по вашему есть добро? Ну, а карманный воръ, напримѣръ, укравшій у меня часы съ цѣпочкой, онъ по вашему тоже дѣлаетъ только добро? А всякій мошенникъ, всякій убійца? Да, наконецъ, здѣсь выходитъ, что мы являемся какими-то безотвѣтственными автоматами и что вообще наши дѣянія никакого положительнаго значенія для насъ не имѣютъ. Все равно, дѣлаемъ ли такъ или этакъ,—все вѣдь по Божіей волѣ совершается! Можно все дѣлать! Удобная, очень удобная философія!

Да, конечно, съ свободой человѣческой воли нельзя не считаться. Это важная проблема! Особенно эта проблема интересуетъ юристовъ. Какъ вамъ извѣстно, ученые юристы спорятъ и ломаютъ себѣ головы надъ нею, и вслѣдствіе этихъ споровъ образовалось двѣ школы такъ называемыхъ детерминистовъ и индетерминистовъ. Для первыхъ, человѣкъ никакой свободной воли вообще не имѣетъ, что очевидно совсѣмъ иначе отражается на его судебной отвѣтственности за преступленія и проступки. И мы знаемъ, какъ эта школа успѣла повліять на образованные слои европейскаго общества и такимъ образомъ она, трудами своихъ итальянскихъ родоначальниковъ, Ломброзо и другихъ, наконецъ, успѣла отразиться на судебной практикѣ всѣхъ странъ, и особенно Россіи, ставшей настоящимъ Эльдорадо для преступниковъ, систематически оправдываемыхъ, какъ безотвѣтственные мученики, адвокатскимъ краснорѣчіемъ и сердобольными присяжными. По этой теоріи, человѣкъ является вообще машиною, не имѣющею какой бы то ни было свободы воли, а потому, конечно, и безотвѣтственною. Съ другой стороны стоятъ приверженцы такъ называемаго „классическаго“ направленія, разсматривающаго человѣка не иначе, какъ облеченнаго всею полностью тѣхъ даровъ, которые были его достояніемъ вплоть до злополучной исторіи съ плодами райскаго дерева. И среди этихъ исконныхъ даровъ на первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, волевая свобода.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ тутъ быть?

Позвольте мнѣ по сему поводу сдѣлать маленькую экскурсію въ другую область, откуда я надѣюсь достать весьма неожиданные выводы.

Вамъ извѣстна одна, старая какъ міръ, легенда, встрѣчающаяся у очень многихъ народовъ почти всѣхъ временъ. Закованная царевна, въ цѣпяхъ. Стерегущій ее злой, черный драконъ, съ пылающею пастью. Витязь, убивающій дракона, освобождаетъ царевну. Иногда, впрочемъ,

мѣсто царевны занимаетъ золотой кладъ, какъ напримѣръ, въ пѣснѣ о Нибелунгахъ; смыслъ отъ этого не теряется, хотя царевна какъ-то сердечнѣе и свѣтлѣе; и Андромеда въ легендѣ Персея ближе намъ и милѣе, хотя бы уже потому, что она сохраняется и въ христіанской символикѣ подъ именемъ Ая. Но кто бы онъ ни былъ, этотъ побѣдоносный витязь, и какъ бы мы его ни называли, Персеемъ какъ у грековъ, Зигфридомъ какъ у германцевъ, Митрою какъ у персовъ, или, наконецъ, Георгіемъ Побѣдоносцемъ, символъ пребываетъ неизмѣннымъ. Но историческая фигура Святого Великомученика Георгія, своими подвигами заслуженно воспріявшаго символическій обликъ рыцаря на бѣломъ конѣ, побѣждающаго змія, безусловно стоитъ выше всѣхъ другихъ по точности, полноcти, ясности и духовности всей картины. Драконъ или змій—наши злыя, пылающія, низменныя страсти, держащія въ оковахъ желѣзной матеріальности и грубой чувственности царскую дочь,—душу человѣческую и, если хотите, ея любовь. Но этотъ самый змій, не только не повинующійся велѣніямъ духа, но выступающій какъ его повелитель въ страшномъ обликѣ дракона, онъ же, нашъ страстный и душевный, животный внутренній человѣкъ, будучи осѣдланъ, покоренъ и превращенъ въ безмолвнаго слугу, онъ превращается въ укрощеннаго, бѣлаго какъ снѣгъ, сильнаго и послушнаго носителя свободнаго человѣческаго духа, или лучше въ человѣка духовнаго, завоевателя освобожденной царевны—души и ея истинной, божественной, святой и чистой любви. Итакъ, весь вопросъ заключается, собственно говоря, въ томъ, имѣемъ ли мы внутри себя чернаго дракона или бѣлаго коня. Если дракона, то значитъ, мы являемся рабами необходимости и фатальныхъ стремленій, если же бѣлаго коня, то, конечно, мы уже не рабы, а свободны. Думается намъ, что между обѣими крайностями много промежуточныхъ степеней, столько, сколько вообще людей на бѣломъ свѣтѣ, при чемъ въ добавокъ каждый изъ нихъ будетъ непостояненъ, ни въ рабствѣ, ни въ свободѣ. Стало быть, юридическій споръ детерминистовъ и индетерминистовъ принципіально—неразрѣшимъ. Оба они правы, или оба ошибаются. Ни полной свободы, ни полнаго рабства человѣческой воли нигдѣ между нами не имѣется. Однако, свободный человѣкъ, наѣздникъ бѣлаго коня, это, конечно, такое существо, которое, кратко и сжато говоря, побѣдило плоть посредствомъ духа. Притомъ непремѣнно Духа Божія, такъ какъ есть и другой духъ, побѣдитель плоти, о которомъ придется еще поговорить. Тотъ также побѣждаетъ, но не на подобіе Того, Который говорилъ: Я пришелъ творить волю Пославшаго Мя. Онъ, напротивъ, порабощаетъ плоть свою, чтобы творить собственную свою волю и имѣть мрачную прелесть свободы призрачной.

Итакъ, всадникъ бѣлаго коня—это человѣкъ свободный, поработившій плоть и завоевавшій себѣ свою волю Духомъ Божіимъ. Такимъ образомъ человѣкъ свободный—это человѣкъ, творящій Божію волю. Онъ одинъ имѣетъ истинную свободу. А человѣкъ—рабъ, это тотъ, который

творитъ свою собственную волю. Эта аксіома заключаетъ въ себѣ какъ будто противорѣчіе. Во-первыхъ потому, что отказъ отъ собственной воли называется свободою. А во-вторыхъ потому, что, согласно нашему вышеприведенному выводу, все отъ Бога, даже тамъ, гдѣ орудіемъ Промысла является преступникъ.

Стоитъ присмотрѣться къ этимъ двумъ противорѣчіямъ. Во-первыхъ, стало быть, отказъ отъ собственной воли ради воли Божіей называется свободою. Почему? Да просто потому, что человѣкъ, приближающійся къ Богу, приближается къ Духу, коего отличительною чертою является свобода. Къ Богу же мы приближаемся лишь по благодати, черезъ Іисуса Христа, и только черезъ Него наша по существу свободная воля дѣйствуетъ на спасеніе, т. е. именно, возвращаетъ себѣ возможность пользоваться принадлежащею ей по существу свободою, данною ей въ раю. Приближаясь къ Богу, душа человѣческая преуспѣваетъ не только въ благодати, но и въ пользованіи свободою своею, такъ какъ Господь Богъ, къ Которому она стремится, есть свобода высшая, т. е. чистый Духъ; грѣхъ же есть рабство и тьма.

Благодать соединяется со свободою нашею. Она сама становится нашею свободою и свобода становится благодатью, и этотъ союзъ есть самъ Христосъ, пребывающій въ насъ и мы въ Немъ. Все доброе, рѣшительно все, творитъ только благодать, направляющая къ добру нашу свободу. Таково православное ученіе святой соборной апостольской Церкви, въ чемъ можно удостовѣриться документально. Между прочимъ, это было изложено съ необыкновенною ясностью въ письмѣ римскаго папы Целестина, препроводившаго ученіе о соотношеніи благодати и воли человѣческой, въ 10 чудныхъ статьяхъ, къ епископамъ Галліи въ 431 году. Какъ вы изволите видѣть, этотъ неразрѣшимый для всѣхъ другихъ религіозныхъ толковъ вопросъ, надъ которымъ себѣ ломаютъ свои ученыя головы богословствующіе корифеи инославія, для соборной православной Церкви не представляетъ ни малѣйшихъ затрудненій, какъ и вообще, всякія другія извѣстныя неразрѣшимыя противорѣчія вѣры и разума, религіи и науки, временнаго и вѣчнаго, однимъ словомъ, человѣка и Божества исчезаютъ безслѣдно въ апостольской Церкви, дающей на всѣ мучительные вопросы, раздиравшіе человѣческую душу со времени перваго грѣхопаденія, отвѣты ясные, божественные какъ по простотѣ, такъ и по величію. Итакъ, исчезаетъ первое наше кажущееся противорѣчіе, якобы усмотрѣнное въ томъ, что отказывающійся отъ собственной своей воли ради воли Божіей пріобрѣтаетъ свободу.

Перейдемъ ко второму противорѣчію, по которому для насъ еще не ясно, почему преступникъ, одинаково творящій, по нашему выводу, только волю Божію, не имѣетъ въ этомъ никакого благословеннаго участія на подобіе праведнику. Да просто потому, что цѣли его были иныя. Зло лежало въ немъ, не внѣ его, а въ немъ, въ глубинѣ его собственной души. Внѣ его души, внѣ души человѣческой зло вообще, какъ мы

видѣли, никакого собственно реальнаго и абсолютнаго существованія не имѣетъ, такъ какъ все, что бы ни случилось, есть воля Божія, а потому и добро. Но человѣкъ, творящій Божію волю, по свободному желанію самоустраненія, ради Святого Господа, онъ въ происходящемъ добрѣ имѣетъ благодать свободнаго, т. е. дѣйствительнаго участія. Преступникъ же, творящій Божію волю безсознательно, т. е. ищущій въ дѣйствіи своемъ не Бога, а себя самого, тотъ въ происходящемъ добрѣ никакого участія не имѣетъ, такъ какъ ему принадлежитъ только рабство и зло. Такимъ образомъ получается слѣдующій выводъ.

Одно и тоже дѣйствіе, совершаемое Богомъ черезъ преступника, есть добро, поскольку оное совершаетъ Богъ, и зло, поскольку оное совершаетъ преступникъ. Иначе, зло въ преступникѣ, а не въ его дѣйствіи. Зло вообще всегда только въ насъ самихъ; объективнаго и реальнаго существованія оно совсѣмъ не имѣетъ. Одно добро пребываетъ воистину. И если бы кто поставилъ слѣдующій вопросъ: если все отъ Бога и все—добро, то почему же мы сами всего не воспринимаемъ одинаково, и почему Богъ посылаетъ одному наслажденія, другому скорби? Да, въ этомъ мы сами виноваты: сами дѣти виноваты въ томъ, что одному на добро полагается отъ отца, такъ сказать, сладкое пирожное, а другому розги, также на добро. Все добро, и то и другое, смотря по тому, кому и для чего что надобно.

Зло имѣетъ только относительное значеніе, а не абсолютное. Потеря, напр., руки несомнѣнно является великимъ зломъ. Но если хирургъ дѣлаетъ ампутацію руки, чтобы спасти человѣческую жизнь, тогда эта самая потеря руки является зломъ только относительнымъ, реально же, т. е. абсолютно, она является добромъ. Да вообще, всякое зло, каковое бы оно ни было, всегда только относительное. Реально, абсолютно пребываетъ только добро. Итакъ, зло есть величина относительная, т. е. ирреальная, а добро есть величина реальная, т. е. абсолютная. Абсолютно пребываетъ одно только добро. Все только есть добро. Теперь нужно оговориться на счетъ значенія словъ. Если я говорю, что зло не имѣетъ реальнаго бытія, а лежитъ въ насъ самихъ, то я подъ реальностью подразумѣваю фактическое значеніе зла, какъ объективнаго фактора, имѣющаго въ міровомъ домостроительствѣ не только свои опредѣленныя цѣли, но и средства къ достиженію оныхъ. Вотъ, этихъ средствъ у него именно не имѣется, потому что если бы были средства, то и цѣль была бы достигнута. А цѣль, т. е. побѣда, недостижима для злой силы во вѣкъ. Все, что она предпринимаетъ, служитъ только для ея самоуничтоженія и порождаетъ въ итогѣ высшее добро. Вотъ почему великій поэтъ могъ вложить въ уста Мефистофеля признаніе собственной безпомощности: „Ich bin die Kraft, die nur das Böse will und stets das Gute schafft“, а въ русскомъ переводѣ: „частица силы я, желавшей вѣчно зла, творившей лишь благое“. Такъ, а не иначе слѣдуетъ понимать положеніе о нереальности зла. Потому что въ насъ самихъ это зло, оно для насъ, для

нашего маленькаго и относительнаго личнаго существованія, конечно, имѣетъ реальность. Оно лежитъ въ насъ, находится только внутри насъ, и мы за себя и для себя не имѣемъ причины отрицать реальность нашихъ собственныхъ внутреннихъ переживаній, какое бы ни было ихъ вліяніе на внѣшній міръ. И тамъ, внутри насъ, тамъ лежитъ онъ, злой и черный драконъ,—наша грѣховность. Она является тою силою, которая лежитъ преградою на пути нашего внутренняго усовершенствованія, препятствуя нашему освобожденію, приближенію къ Богу, богоискательству.

Богоискательство имѣетъ цѣлью стяжаніе Духа. Потомучто Богъ есть чистый Духъ, въ отличіе отъ всего остального творенія, безъ всякаго исключенія. Духъ, это самый высокій и чистый коеффиціентъ всего существующаго, и если мы признаемъ безграничное совершенство Божіе, то этимъ самымъ мы и устанавливаемъ въ понятіи нашемъ чистую Его духовность: Богъ есть чистый Духъ. Но если мы одновременно не признаемъ иного, равнаго Ему по совершенству существа, то этимъ самымъ мы и устанавливаемъ въ понятіи нашемъ неравенство съ Нимъ всѣхъ остальныхъ существъ творенія во свойствѣ духовности. Иначе: кромѣ одного Бога Самого, другого абсолютно чистаго, т. е. вполнѣ безтѣлеснаго Духа, не существуетъ. Это ученіе является ученіемъ церковнымъ и православнымъ, какъ можно удостовѣриться у Іоанна Дамаскина.

Человѣкъ, стяжающій себѣ Духъ, борющійся со своимъ чернымъ дракономъ и побѣждающій свои страсти, пріобрѣтаетъ свободу, силу, просвѣщеніе, мудрость, однимъ словомъ блаженство, но, опять таки подчеркиваемъ, при условіи побѣды Духомъ *Божіимъ*. Потому что побѣда надъ страстями возможна также посредствомъ духа иного, о чемъ говорить теперь приходится. Существуетъ одна страсть, которая отъ всѣхъ остальныхъ страстей отличается тѣмъ, что она не обусловливается нашею грѣховною слабостью. Я хотѣлъ бы выразиться символически и сказать, что эта страсть—не отъ пресловутаго чернаго дракона, а отъ самого наѣздника, борющагося съ нимъ. Страстная и противодуховная слабость источникомъ этого порока не является, вслѣдствіе чего и исцѣленіе отъ грѣховныхъ слабостей или побѣда надъ дракономъ ничуть не избавляетъ насъ отъ этой опасности. Напротивъ того, опасность отъ этого только приближается. Когда душа выходитъ побѣдительницей изъ состязанія, когда всѣ козни враговъ оказались орудіями негодными, тогда отъ сильнаго, просвѣщеннаго, покорившаго себя самого сверхчеловѣка отступаютъ прислужники—бѣсы, орудующіе только въ низменныхъ матеріальныхъ страстяхъ, и къ освобожденному духу человѣка приступаетъ посланецъ отъ *него* самого, павшаго свѣтоносца. Этотъ павшій духъ происходитъ отъ совершенно другихъ, давно минувшихъ періодовъ творенія. Самъ онъ, по церковному преданію, лежитъ покамѣстъ въ узахъ, наложенныхъ на него Архангеломъ Михаиломъ. Эти узы міръ, въ которомъ ему самому покамѣстъ мѣста нѣтъ, ибо самъ

онъ духовенъ, духовенъ въ степени высшей, когда либо достигнутой созданнымъ существомъ; въ мірѣ же орудуютъ только его служители, высшіе или низшіе, смотря по надобности. Но будетъ время, когда изъ великаго моря одухотвореннаго, т. е. освобожденнаго вполнѣ творенія, выйдетъ онъ самъ, освобожденный, звѣрь съ символомъ принципіальныхъ двойственности и противорѣчія, т. е. съ двумя рогами. Его качество— гордость. Гордость, какъ порокъ, отличается отъ всѣхъ остальныхъ пороковъ тѣмъ, что она не является грѣховною „слабостью“, на подобіе другихъ страстей. Она одна, изъ всѣхъ другихъ страстей, оказывается продуктомъ не слабости и несовершенства, а именно совершенства и силы. Въ соціальномъ смыслѣ,—и это не лишено интереса,—она является продуктомъ цивилизаціи вообще, равно какъ и племенного, родового или личнаго аристократизма. Она можетъ быть порокомъ свободной воли какого бы то ни было, и скорѣе всего именно совершеннѣйшаго, просвѣщеннѣйшаго, сильнѣйшаго и духовнѣйшаго сотвореннаго существа. Такое существо, имѣя духъ, можетъ по гордости своей отказаться отъ Бога свободнымъ своимъ волеизъявленіемъ, горделивымъ самоутвержденіемъ въ своемъ превосходствѣ и въ дарованной Божіей милости, какъ бы въ своемъ собственномъ заслуженномъ правѣ. Зная истину по мѣрѣ своего участія въ ней, т. е. по мѣрѣ духа ему даннаго, оно сознательно, по собственной гордости и противъ собственной совѣсти, безъ психическаго принужденія отъ грѣховныхъ страстей (каковыхъ не имѣетъ), отъ этой истины отказывается,—отказывается потому, что собственное смиреніе передъ сознанною истиною не вяжется съ его гордостью. По мѣрѣ его участія въ духѣ измѣряется тогда и глубина его паденія. Павшій свѣтоносный архангелъ былъ превыше всѣхъ рѣшительно другихъ существъ творенія.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что именно слѣдуетъ понимать подъ терминомъ „грѣхъ противъ Духа“, каковой грѣхъ, по свидѣтельству Спасителя, является единственнымъ грѣхомъ, который не прощается ни въ этомъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. Итакъ, всякій грѣхъ простится человѣку, одинъ лишь грѣхъ противъ Духа ему не простится, потомучто это вѣдь сводится къ слѣдующему: грѣшитъ противъ Духа тотъ, который отказывается отъ той искры Духа, каковую имѣетъ. Имѣетъ же ее каждый не въ равной мѣрѣ, а именно по мѣрѣ собственнаго духовнаго просвѣщенія и собственной свободы. Потомучто эти именно качества суть качества Духа, и каждый имѣетъ ихъ по мѣрѣ искры Духа, даннаго ему. Если онъ, слѣдовательно, отказывается отъ Духа, грѣшитъ противъ Духа, то онъ сознательно, т. е. не по заблужденію, а именно сознательно, отказывается прежде всего отъ той истины, отъ той искры, каковую имѣетъ и созерцаетъ по мѣрѣ живущаго въ немъ Духа истины. Отказывается онъ отъ этой доли истины не по страстному, т. е. на слабости основанному влеченію ко лжи, а имѣя силу отъ истины и мудрость истины, въ присущей ему степени. И отказывается онъ по гордости собственной, по

злобному презрѣнію къ этой долѣ истины, каковую имѣетъ, потому что она съ гордостью его не мирится. Этотъ грѣхъ гордости есть грѣхъ противъ Святаго Духа. Не имѣющій Духа грѣшить противъ Духа не можетъ. Необходимо его имѣть, чтобы грѣшить противъ Него, и тою именно мѣрою, въ которой согрѣшающій Его имѣетъ, тою мѣрою и измѣряется его преступленіе. Отверженіе познанныхъ истинъ противъ собственной совѣсти, ложь по гордости, есть грѣхъ противъ Святаго Духа, потому что кромѣ истины самой, которая именно и отвергается, иного средства спасенія нѣтъ. Теперь становится совершенно яснымъ, почему именно сатана былъ первымъ изъ всѣхъ существъ творенія, существомъ, наиболѣе близкимъ къ Богу, обладающимъ высшею достижимою для сотвореннаго существа мѣрою силы, мудрости и просвѣщенія, т. е. Духа.

Грѣхъ противъ Святаго Духа непремѣнно долженъ быть актомъ свободнымъ, т. е. не обусловленнымъ слабостью и страстью, отнимающими у грѣшника свободу воли и ввергающими его въ безвольное рабство. Грѣхъ противъ Духа измѣряется именно той степенью волевой свободы, которою онъ былъ совершенъ. Потомучто отличительное свойство Духа есть свобода, и не имѣющій Духа, *т. е. неимѣющій свободы*, грѣшить противъ Духа не можетъ. Итакъ, по мѣрѣ той свободы, которою былъ совершенъ грѣхъ, по той же мѣрѣ измѣряется и глубина паденія. Очень кстати тутъ опять указаніе на приведенный уже выше извѣстный юридическій споръ, такъ называемыхъ, индетерминистовъ и детерминистовъ, т. е. споръ признающихъ человѣческую свободу воли и отрицающихъ оную. Этотъ споръ, какъ мы уже видѣли, является, съ религіозной точки зрѣнія, безсмысленнымъ, ибо каждое существо свободно лишь по мѣрѣ Духа, даннаго ему, и рабъ по мѣрѣ отсутствія Духа въ немъ. Разумѣется, опять повторяемъ, сколько существъ въ мірѣ, столько и различныхъ степеней ихъ волевой свободы. Чѣмъ неодушевленнѣе предметъ, тѣмъ онъ и менѣе свободенъ. Камень никакого Духа и никакой свободы не имѣетъ. Итакъ, грѣхъ противъ Духа непремѣнно долженъ быть свободнымъ.

Все это въ концѣ концовъ сводится къ тому, что грѣхъ противъ Духа—есть сознательный отказъ отъ познанной, повторяю—отъ *познанной* благодати. Не спасается, въ концѣ концовъ, только тотъ, кто самъ сознательно, свободно, мощно и разумно, по одной только гордости, отъ истины и отъ собственнаго своего спасенія отказывается. Господь противъ нашего же собственнаго желанія насъ не спасаетъ. Спасаетъ Онъ насъ только по нашему собственному произволенію, т. е. съ согласія нашего.

Для родословія истинаго зла и разрѣшенія его проблемы необходимо въ примѣненіи къ различнымъ страстямъ человѣческимъ правильно установить концентъ гордости. Потомучто изъ всѣхъ видовъ зла, лежащаго внутри насъ, изъ всѣхъ пороковъ и страстей, наиболѣе глубокимъ зломъ является гордость. Какъ ни смотрѣть, но всегда выходитъ, что

всѣ другія страсти связаны съ погруженіемъ человѣка съ противодуховный, ослабляющій и убивающій его элементъ непокорной плоти, короче обусловливаются матеріею въ той или иной формѣ. Завистливый человѣкъ въ значительной степени подвергается взаимодѣйствію своей страсти и органическихъ функцій своего желчнаго пузыря. Не даромъ же зависть даетъ лицу своеобразное зеленовато-желтое выраженіе. Гнѣвъ, не въ меньшей мѣрѣ, обусловливается обращеніемъ, качествомъ и количествомъ крови. Вѣдь не даромъ краснѣетъ человѣкъ въ гнѣвѣ. Физіологическія условія пьянства, объяденія, блуда, лѣни и даже скупости также довольно извѣстны. Конечно, тутъ имѣется великая опасность для духа въ томъ смыслѣ, что онъ, имѣя матеріальныя основы для этихъ страстей, самъ къ таковымъ привязывается. Но съ неминуемымъ отпаденіемъ этихъ временныхъ основъ, онъ отъ великаго искушенія освобождается, хотя бы такое освобожденіе и представлялось ему, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока, смотря по тяжести его рабства, какъ мучительная хирургическая операція безъ хлороформа. Но какъ бы ни было, все же онъ въ концѣ концовъ освобождается. Другое дѣло гордость. Гордость никакихъ матеріальныхъ основъ не имѣетъ. Напротивъ того: другія матеріальныя страсти являются укоромъ для нея, а гордость никакихъ укоровъ не терпитъ. И она особенно чутко относится къ такимъ укорамъ, которые не позволяютъ ей завладѣть ея достояніемъ, т. е. совѣстью и духомъ. Потомучто она—духовна. Въ высшей степени духовна. И поэтому она не терпитъ остальныхъ человѣческихъ страстей, которыя ее унижаютъ. Гордое существо является поэтому воздержнымъ. Оно смиряетъ тѣло свое, т. е. врага своего, всѣми доступными способами, не исключая и аскетизма, ибо для нея матерія плоть—сама по себѣ является грѣхомъ. Старая ересь, отверженіе плоти, искупленной Христомъ!

Эти соображенія, кажется, въ значительной степени способны проливать свѣтъ на ту своеобразную духовную культуру, которая нѣкогда завладѣла всѣмъ Западомъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ началъ, о которыхъ говорить теперь не время. Послѣднее и совершеннѣйшее духовное исчадіе этихъ началъ въ настоящее время выступило противъ твердыни Церкви Христовой подъ формою германизма. Но этотъ вопросъ настолько интересенъ и многосложенъ, что отдѣлаться отъ него здѣсь нѣсколькими словами — невозможно. Поэтому скажемъ только, что каждый русскій воинъ, сознательно жертвующій собою въ этой борьбѣ, тѣмъ самымъ доказываетъ, что онъ сердцемъ и душею постигъ, въ чемъ заключается, по крайней мѣрѣ для прогресса земного человѣчества, проблема зла. Ибо воистину, онъ умираетъ, дабы не одолѣли врата ада! Ради обѣщанія Спасителя умираетъ онъ и отдаетъ кровь свою не только за Царя и Отечество, а наипаче за вѣру и за Христа...

Объ этомъ можно было бы сказать очень многое. Но это уже выходило бы изъ рамокъ моего доклада, имѣющаго цѣлью выяснить пре-

имущественно ирреальность зла въ связи съ его истинною сущностью въ душѣ человѣка. Очень хотѣлось бы мнѣ еще остановиться на томъ происшествіи, вслѣдствіе котораго зло, пребывающее по существу своему ирреальнымъ, получило для человѣческаго ощущенія характеръ объективности. Но остановиться на этой катастрофѣ, о которой повѣствуетъ Книга Бытія, времени нѣтъ, какъ нѣтъ его и для бесѣды о другой былой катастрофѣ, еще болѣе великой и страшной, относящейся къ инымъ давно минувшимъ эпохамъ творенія, лежащимъ еще неизмѣримо глубже, позади того дня, когда Творецъ вселенной произнесъ могучее слово—„да будетъ свѣтъ". Объ этой небесной катастрофѣ мы знаемъ только по преданію, такъ какъ Моисей о ней не упоминаетъ. Тамъ оно впервые появилось, тамъ корень его, тамъ первоисточникъ зла, дающаго для всѣхъ великихъ и малыхъ цикловъ духовной жизни схему постоянныхъ великихъ и малыхъ паденій, являющихся истиннымъ дыханіемъ, приливомъ и отливомъ жизни и колыханіемъ ея вселенскихъ волнъ. Мы говорили о проблемѣ зла въ примѣненіи къ нашему циклу творенія, къ которому принадлежитъ также земное человѣчество. Вопросъ же о томъ, почему оно появилось въ день того величайшаго *перваго*, такъ называемаго, „ангельскаго" паденія, на какія цѣли оно понадобилось Богу и какова именно сущность тѣхъ законовъ, по которымъ мы его здѣсь можемъ воспринимать, какъ ирреальную относительность передъ абсолютною величиною добра, однимъ словомъ, вопросъ о таинственныхъ причинахъ существованія самого сатаны составляетъ подлинную проблему зла! Но никакія человѣческія, а вѣроятно даже и ангельскія мысли неспособны проникнуть до глубины этой тайны. Мы желаемъ и можемъ только думать, что если оно такъ понадобилось Богу, то вѣроятно для какихъ-нибудь освободительныхъ, творческихъ цѣлей; однако тутъ мысль останавливается съ трепетомъ. Эта тайна, извѣстная одному лишь Господу Силъ, навсегда останется для насъ подлинною проблемою зла, страшною, неприступною, неразрѣшимою...

Ю. Колеминъ.

